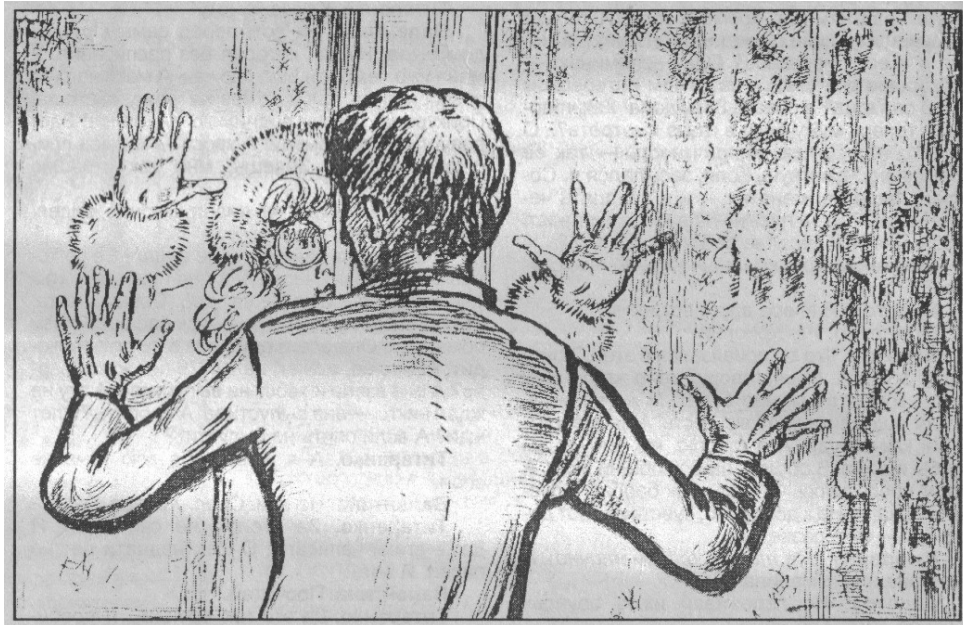

Об авторе. Член Межрегионального союза писателей Украины (Международное сообщество писательских союзов; член правления МСПУ) и Конгресса литераторов Украины (член Правления КЛУ, председатель Правления Кировоградской областной организации). Финалист и лауреат международных литературных конкурсов: конкурс им. философа и поэта Платона Кускова (2011 и 2013 гг.), конкурс им. Волошина (2011 – шорт-лист; 2013 – лонг-лист), «Славянские традиции» (2012 – победитель в номинации «Драматургия»; 2013 – диплом номинанта; 2014 – финалист в разделах «Малая проза» и «Драматургия», шорт-лист). Автор пяти пьес. Одноактная пьеса «Большая Вера» в 2012 году поставлена Кировоградским областным государственным телевидением.

Анатолий Юрченко

**Комета без расписания,
или «Что ты сделал для Украины?»**

Эпатажная комедия в стиле ретро в двух действиях (редакция 2015 года)*

Спектакль для взрослых

*Автор выражает признательность режиссёру Николаю Горохову
за идею «Репродуктор – пятое действующее лицо»*

*Пьеса – финалист Международного литературного конкурса «Славянские традиции»-2014: шорт-лист
(http://slavtraditions.ucoz.ru/blog/short_list_v_nominacii_dramaturgija/2014-06-05-194)

Использованы фрагменты стихов В. Жуковского, А.Блока, А. Барто, А. Юрченко.

От автора. Комедия написана в середине 1990-х, зарегистрирована в Министерстве культуры Украины в 1997 году (регистрационная запись № 19 от 30.05.97), опубликована в 2000 году («Забава», № 3, март 2000 г., г. Кировоград) с иллюстрациями художника Георгия Топникова. Настоящий текст представляет собой третью, существенно переработанную и в определённом смысле осовремененную редакцию пьесы. Последняя правка – апрель 2015-го.

Действующие лица (по алфавиту)

Мужчины:

Титаренко — отдыхающий из Украины;

Федотов — активно отдыхающий.

Женщины:

Валентина — отдыхающая;

Светлана — не знающая отдыха.

Время действия — первая половина 1990-х. Некоторые события второго плана автор незначительно, но сознательно смещает во времени.

Действие первое

Комната на троих в старом корпусе турбазы где-то на границе Московской и Владимирской областей. Одна дверь выходит в общий коридор, другая, застеклённая, расположена в проёме между двумя большими окнами и ведёт на террасу. Вид за окнами резко контрастирует с убогой обстановкой комнаты. За террасой — заснеженные пляж и озеро. Через озеро к лесу бежит лыжня... Около двух часов дня. Снег искрит и кажется розовым. От сосен тянутся голубые тени.

У зеркала, висящего над раковиной умывальника, мужчина лет пятидесяти. Это Федотов. Крупные черты лица, волосы — «соль с перцем». Голый до пояса, он пытается надеть майку. На первый взгляд, это обычная майка с бретельками, но почему-то у неё лишняя пройма, которая непременно оказывается то на боку, то на спине, то на груди...

ФЕДОТОВ. Макака! (Пытается надеть майку как-нибудь по-другому.) Чухонка! (Ещё попытка.) Шимпанзе!

Стук в дверь, ведущую в коридор.

ФЕДОТОВ (рисуясь). Come in!

Входит человек с чемоданом в руке. Это Титаренко, мужчина в возрасте около тридцати лет с небольшим.

ТИТАРЕНКО. Добрый день.

ФЕДОТОВ. Привет. И скажи ещё, что это не чёрт знает что! Теперь только в стриптизе выступать. Вот дура! Объяснял же ей. Нет — не учи меня шить! (Ещё попытка.) Ну и дурища!

ТИТАРЕНКО. Я ваш сосед, если не возражаете.

ФЕДОТОВ. Какой ещё сосед! Из соседней комнаты? Или дверью ошиблись?!

ТИТАРЕНКО (открывает дверь, смотрит на табличку с номером, закрывает). Нет, не ошибся. А кровать, сказали, выбирайте любую.

ФЕДОТОВ (оборачивается, смотрит на Титаренко). Ну и ну! Значит, сосед? Вот повезло! Сначала в электричке на меня пялился...

ТИТАРЕНКО (обиженно). Ничуть не пялился. Я просто задумался. А когда я думаю... я в пространство смотрю. Может быть, вам показалось, что на вас... а на самом деле... ни на кого... просто... в пространство...

ФЕДОТОВ. Потом в автобусе мне чемодан на ногу поставил. А теперь что, тебе ещё и мою койку отдать?!

ТИТАРЕНКО. А, так это вы были? Так я извинился. Если хотите – извините ещё раз. И... Знаете, наверно, вы правы.

ФЕДОТОВ. В чём?

ТИТАРЕНКО. Пойду к администратору. Пусть в другую комнату поселят. *(Поворачивается к двери.)*

ФЕДОТОВ *(неожиданно)*. Отставить! *(Что-то просчитывает в уме.)* Извини, погорячился, не обращай внимания. Поладим. Ещё неизвестно, куда тебя администратор запихнёт, кого сюда поселит, а так, как говорится, из двух зол выбирать, одного не миновать. Располагайся. Вон вешалка. Вот шкаф. Кровать занимай любую – кроме моей. Давай-давай. Не стесняйся. Раздевайся, распаковывайся... *(Снова поворачивается к зеркалу.)* Ну, дурища салатная! Что мне теперь с тобой делать!

ТИТАРЕНКО *(помедлив у двери, проходит в комнату, снимает пальто, говорит рассеянно, думая о чём-то своём)*. Извините, салатная — это как?

ФЕДОТОВ. А так. Из овощных культур, значит. Чтобы корнеплодом не назвать. Дура. Причём салатная!

ТИТАРЕНКО. А, вы, наверно, про ту девушку, у которой в столовой истерика началась...

ФЕДОТОВ. Чухонка с истерикой – не учи меня шить!..

ТИТАРЕНКО. А она действительно чухонка?

ФЕДОТОВ. Тебе какая разница?!

ТИТАРЕНКО. И правда... Хотя салат она, по-моему, съела. Это с ней на борще случилось.

ФЕДОТОВ *(слушая вполуха)*. Ага! Кусок корнеплода в борще попался. Хрен называется. Вот и охренела: не учи меня шить!

ТИТАРЕНКО *(идёт по комнате, выбирая, какую из двух свободных кроватей занять)*. Да ладно вам. Мало ли... Три часа в электричке — в давке, в духоте. Шесть электричек перед этим отменили, я специально посчитал. Зато и автобус к перрону подали, по радио объявили: прибывших на турбазу приглашают в «Икарус». Три раза.

ФЕДОТОВ. Чего — три раза?

ТИТАРЕНКО. Объявили три раза.

ФЕДОТОВ. При чём тут «Икарус»? *(Делает ещё одну попытку.)* Смотрите, что эта дура хренова сделала!

ТИТАРЕНКО. А это что, тоже она?..

ФЕДОТОВ. Да тебе не всё равно кто?! Не учи меня шить!.. Вот тебе! *(Резко рвёт шов, майка становится похожа на майку, только с плеча свисает полоска ткани наподобие аксельбанта)*. Так и буду ходить – пусть тебе будет стыдно! *(Надевает рубашку, галстук, причёсывается, поворачивается к Титаренко.)* Что ты там про девушек говорил?

ТИТАРЕНКО. Да я про одну только. Про ту, у которой истерика за обедом началась. Или вы на обед не ходили?

ФЕДОТОВ. Да я ещё в столице на вокзале пообедал, пока ты отменённые электрички считал. Вас всех из «Икаруса» вначале на обед повели, а я сразу – к администратору. Просил тихую, приятную комнату, намекнул – хорошо бы одному... Или ей тоже хрен в борще попался?!

ТИТАРЕНКО. Дался вам этот хрен! Симпатичная молодая девушка. Я ещё удивился – ест, как сомнамбула. Она через два столика от меня сидела. А когда борщ принесли, вдруг лицо руками закрыла, плечи затряслись... хорошо, что увели её.

ФЕДОТОВ. Кто увёл?

ТИТАРЕНКО. Ну... другая девушка...

ФЕДОТОВ. Тоже молодая?

ТИТАРЕНКО. Ну... Да.

ФЕДОТОВ. Симпатичная?

ТИТАРЕНКО. Ну да.

ФЕДОТОВ. А ты молодец – наблюдательный. И самое главное заметил! Симпатичные девушки в нашем заезде есть!

ТИТАРЕНКО. Ну и что?

ФЕДОТОВ. А то! Что мы тут с тобой, как два болвана, время теряем. А у нас его и так в обрез!

ТИТАРЕНКО. То есть? Двадцать дней впереди...

ФЕДОТОВ. Наблюдательный – и такой наивный? Ты что, двадцать дней раскачиваться будешь?! Всё решают быстрота и натиск – броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди доблести полны!.. А то будешь себе потом со злости что-нибудь кусать — да поздно. Пока нас только двое, усёк? Сегодня электричек уже не будет. А завтра какие-нибудь опоздавшие приедут, подсунут нам третьего — и всё. Все прелести казарменного быта.

ТИТАРЕНКО. Администраторша сказала, больше никого подселять не будет.

ФЕДОТОВ. Мне она то же самое сказала — понял? Она и третьему то же скажет! Прежде чем четвёртому раскладушку выдать... Эх, наивная душа... зовут-то как?

ТИТАРЕНКО. Николай Спиридонович.

ФЕДОТОВ. Ну что, Коля, будем знакомы. А я — Федотов Андрей. И выкать мне перестань. Давай-ка на ты. И просто Андрей. Но в официальной обстановке — Андрей Роскомпартович.

ТИТАРЕНКО. Роскомпартович?

ФЕДОТОВ. А что, не нравится? Папу моего так звали — понял? Героическая эпоха — не то, что сейчас, понял? Одни имена чего стоили! Октябрина! Тракторина! Коминтерн! Роскомпарт!..

ТИТАРЕНКО. Нет... ну, непривычно — ну и что? Роскомпартович. Наверно, для кого-то даже актуально. Опять...

ФЕДОТОВ. Именно что! Не Капезесович. Всю жизнь не признавался. Говорил — Ростиславович. А теперь с гордостью говорю — Роскомпартович я! Словом, в официальной обстановке, смотри, не перепутай.

ТИТАРЕНКО. В какой — официальной?

ФЕДОТОВ. Будет, Коля, будет и официальная. Ты размещайся пока. Только вещи не сильно разбрасывай. Чтобы порядок мне, понял? А я на разведку и всё остальное беру на себя. *(Надевает пиджак, снимает с вешалки пальто.)*

ТИТАРЕНКО. Андрей Роском-м-м... Андрей, вы... ты о чём? Я отдыхать приехал!

ФЕДОТОВ. Блин! А я тебя что, работать заставляю?! Вот с сегодняшнего дня и начнём. Отдыхать!

ТИТАРЕНКО. В каком смысле?!

ФЕДОТОВ. В общепринятом! Механика простая... Ты, кстати, кто по профессии?

ТИТАРЕНКО *(мрачно)*. Инженер.

ФЕДОТОВ. Что там в вашей инженерии самое простое?

ТИТАРЕНКО *(сквозь зубы)*. Рычаг. Архимеда.

ФЕДОТОВ *(в восторге)*. Нет, ты понял? Самое то! И берём мы с тобой, значит, этот рычаг с нужного конца и, как голый Архимед, кричим: «Эврика!»

ТИТАРЕНКО *(машинально)*. «Эврика» значит «нашёл».

ФЕДОТОВ. В точку! Диспозиция известная, ещё Архимед придумал: находим двух девушек, но таких, чтобы, как мы, вдвоём в одной комнате жили, знакомимся, приглашаем для продолжения

знакомства сюда. Потом с одной из них я уйду в их комнату, а ты со второй остаёшься тут... Только, чур, выбор за мной.

ТИТАРЕНКО *(всё так же механически)*. Говорят, выбирает женщина...

ФЕДОТОВ. Да какая разница! Ты только той, что посимпатичнее, не мешай выбирать!

ТИТАРЕНКО. А потом что?

ФЕДОТОВ. А это уже второй вопрос! Как говорил один чудаков в кепке, главное — связаться *(нарочито картавя)* в драку, а там, батенька, вскрытие покажет.

ТИТАРЕНКО. Остынь, Роскомпартович. Я же сказал — я отдыхать приехал.

ФЕДОТОВ. И правильно сказал! Для того и едут на турбазы — отдыхать! От работы, будь она неладна, от жён, чтоб они были здоровы, от мужей-паразитов!.. Отдохнуть, расслабиться, разрядку себе дать... Зачем мужик на турбазу рвётся?..

ТИТАРЕНКО. Роскомпартыч, я не ханжа. Делай что хочешь, только меня в свои игры не втягивай.

ФЕДОТОВ. Да какие ещё мои игры?

ТИТАРЕНКО. Любые. Отдых, разрядка, секс... Впрочем, секса у нас нет.

ФЕДОТОВ. Неправда, секс у нас есть! И всегда был! Только условий для него не было. Вот умные люди и придумали: турбазы, дома отдыха, санатории... Нет, санатории — это для больных. Чтобы они этим под наблюдением врача занимались. А нам — турбазы! Где отдыхают свободные мужчины и свободные женщины в свободных условиях ныне свободной страны, будь она неладна.

ТИТАРЕНКО. Всё, Роскомпартович, иди в разведку, хватайся за рычаги, бросай танки в атаку... Без меня! Мне и в тылу хорошо.

ФЕДОТОВ. Коля, ты мужик или нет?!

ТИТАРЕНКО *(в сердцах)*. И ты туда же! Мужик, не сомневайся.

ФЕДОТОВ. Женат?

ТИТАРЕНКО. Женат.

ФЕДОТОВ. Жену любишь?

ТИТАРЕНКО. Не твоё дело!

ФЕДОТОВ *(вешает пальто обратно на вешалку, садится на свою кровать)*. Нет, Коленька, тут ты не прав. Теперь и моё. Вот и проверишь чувства... в боевых условиях. А я тебе в этом просто обязан помочь. Потому что человек человеку — друг, товарищ и брат,

как в моральном кодексе было написано. Вот и разберёшься – есть любовь или нет. Потому что любовь, Коленька, это в жизни – самое главное.

ТИТАРЕНКО. Ты, извини, как женщина, рассуждаешь...

ФЕДОТОВ. А я у них *(смеётся)* и учился, Коленька! Как говорят, с молодых ногтей. Я только восьмой класс закончил, а тут – бац! – все школы одиннадцатилетками сделали. Блин, думаю, лишний год мучиться!.. Раз-два – и в механический техникум документы подал. А на параллельном потоке – бухгалтерши будущие. Ой, девки!.. Из сёл многие. Кровь с молоком! И у всех одно на уме – ах, любовь, любовь, любовь... Самое главное в жизни...

ТИТАРЕНКО. Работа – главное. Карьера...

ФЕДОТОВ. Для мужика. Только какая, если любви нет, Коленька, работа и карьера – даже для мужика? Я из-за этой любви чуть из техникума не вылетел. Каялся я, Коль, не поверишь!.. А знаешь, что их убедило? Что моего папу его родители Роскомпартом назвали: я, говорю им, из правильной семьи, а что занесло – каюсь! Больше не повторится! Буду жить по моральному кодексу строителя коммунизма!

ТИТАРЕНКО *(с неожиданным интересом)*. И жил?

ФЕДОТОВ *(голосом Копеляна – из старого, ещё не раскрашенного фильма «Семнадцать мгновений весны»)*. В связях, порочащих его, замечен не был. *(Оба смеются.)* А едва техникум кончил – повестка, в армию. Блин, думаю, три года – ать-два, тогда ещё по три года служили – псу под хвост, и как рванул в Сибирь.

ТИТАРЕНКО *(с ноткой подозрительности в голосе)*. В бега?..

ФЕДОТОВ. Обижаешь, Коленька. На стройку века! Абакан – Тайшет. Железная дорога. Про неё даже в «Пионерской правде» писали... Хотя... ты тогда ещё «Мурзилку» даже не читал. И какая у меня там любовь была! Представляешь!.. Она – помощница поварихи. А меня бригадир приставил вроде грузчика – продукты в столовую подвозить. И вот смотрю я на неё... Если её – прямо сейчас! – не полюбить, погибнет девка! Да я и сам... Повариха кричит – время, иди дверь открой, Анюта. А я – за ней. А там, если дверь открыть, между дверью и стенкой такая пазуха получается... Мы дверь открыли, встали в той пазухе. Она левой рукой ручку двери держит, чтобы какая-нибудь зараза не дёрнула сдуру, правой рукой меня за шею обняла, и мы... Представляешь?! Рабочая столовка! Две тыщи человек в эту дверь пожрать рвутся! А мы... за этой дверью!..

*На стене внезапно оживает репродуктор – голосом Отелло:
«Она меня за муки полюбила, а я её – за сострадание к ним!» – и
тут же смолкает.*

ТИТАРЕНКО (закашлялся). Роскомпартыч, я тебя прошу...

ФЕДОТОВ. Всё, Колян, всё! Недолго любовь длилась – и там
нашли. И бежать уже некуда – и так Сибирь. Ну... приехал в
военкомат... И с порога – хочу в офицерское училище. Они говорят –
в какое? А я и брякнул первое, что в голову пришло, – в танковое.
Думал, засыплюсь на экзаменах – всё равно хоть не сразу ать-два. Ан
нет, проскочил. И техникум мой кстати оказался! А потом – четыре
года...

ТИТАРЕНКО (насмешливо). Казарма! Монастырь!..

ФЕДОТОВ. Коль, да ты чего?! У нас ведь и увольнительные по
выходным были. И вечера танцев – прямо в клуб училища девушек
пускали! А когда полевые занятия начинались... Так ведь и там! В
офицерской столовой – и поварихи, и подавальщицы... А когда
лейтенантом выпустился, прибыл в часть, мне сразу квартиру дали.
Всё равно, говорят, скоро женишься...

ТИТАРЕНКО. Так сразу – квартиру?!

ФЕДОТОВ. А почему нет? Я в Забайкалье попал. Военный
городок. После хрущёвских сокращений – квартир полно. Танки
почти все законсервированные стоят. Те, кого в запас отправили,
поразъезжались... Хорошо ума хватило танки под газовый резак не
пустить, как самолёты, – что-то там сообразил Никита Сергеевич, что
друзья-китайцы рядом. А в двух километрах – дом отдыха, у озера. И
вот в выходной день надеваешь штатское – и на пляж дома отдыха.
Выбираешь девчонку посимпатичнее. Ложишься рядом. А когда
совсем уже солнышко припечёт: «Хорошо бы сейчас пива
холодного...» А она – запёкшимися губами: «Откуда здесь пиво?» А у
нас в городке пиво всегда было. Я заранее бутылок десять покупал и в
холодильник прятал... «А позвольте я вас угощу...» И вроде бы и
право командование, но... а зачем жениться, если и так хорошо?!

ТИТАРЕНКО. Роскомпартыч! Но это же неправильно!

ФЕДОТОВ. А может, Коля, у меня такой личный протест был!
Против той системы! Индивидуальный!

ТИТАРЕНКО. И групповой?..

ФЕДОТОВ. Коля! Не путай божий дар с яичницей! Я – мастер
парного разряда. У меня, Коля, принципы.

ТИТАРЕНКО. Скажи ещё – идеалы!

ФЕДОТОВ. Да, и идеалы! Идеалы личной свободы. Неправильно, говоришь?.. Может, и неправильно, Коля, но... ведь хорошо!..

ТИТАРЕНКО. Кому?!

ФЕДОТОВ. Успокойся, Коля, им – тоже! Ты глаза их когда-нибудь видел?

ТИТАРЕНКО. Каждый день.

ФЕДОТОВ. Блин!.. Скажи ещё – на работе! Или в троллейбусе! Ты глаза их видел? Это же такой свет!..

ТИТАРЕНКО. В темноте?..

ФЕДОТОВ. Да, Коль, тяжёлый случай... *(Пауза. За окнами проплывают синие тени.)* Ладно, потом объясню. Просто... такой свет увидеть – дорогого стоит. Он, может быть, всего на три секунды – а за них полжизни отдать не жалко. Совсем другое лицо. И никто – его только ты видишь, понял? Ты что, решил, я фуфло какое-то? Подонки, да?! А я их любил, Коля. Пусть на один вечер – а любил. Один вечер радости человеку подарить – думаешь, мало, да?!

ТИТАРЕНКО. А если нет этого света? Если это женщина такая – без света?!

ФЕДОТОВ. Нет таких женщин, Коля! Не бывает. А если бывает – с мужиков надо спрашивать! Женщины... они ведь такие... любить их надо, Коля... Всех! И каждую!

ТИТАРЕНКО. Да, наверно... любить...

ФЕДОТОВ. Стоп! Это ты сейчас от себя говоришь? Или так, общетеоретически?

ТИТАРЕНКО *(мрачно)*. От себя.

ФЕДОТОВ. Всё, Коля, убедил!

ТИТАРЕНКО. Ты о чём?

ФЕДОТОВ. О том. Кого, думаю, бог в соседи послал? Может, он из этих?.. Которым не женщины нужны? Как их сейчас называют – зелёные, что ли?.. Знаешь, мне уже и за себя страшно стало...

ТИТАРЕНКО. Иди ты к чёрту, Роскомпартич! *(Оба смеются.)*

ФЕДОТОВ *(задумчиво)*. Любил я их, Коля. И, сколько сил хватит, буду любить. *(Оживляется)*. Знаешь, у меня однажды даже в самолёте любовь была...

ТИТАРЕНКО *(язвительно)*. Не в танке?

ФЕДОТОВ. Ого! В танке как раз проще всего! А если в поезде?.. Не перебивай. А тут в самолёте...

ТИТАРЕНКО. Там же пассажиры...

ФЕДОТОВ. А ночной рейс был. И салон полупустой...
Пассажиры – спят. Стюардессы спят. А мы с ней переглянулись...
Пойдём, говорю ей тихонько, в конец салона, там три ряда кресел
пустых...

ТИТАРЕНКО (*опять закашлявшись*). Да уж, где только у тебя не
было!..

ФЕДОТОВ. Да, Коля, только на турбазе не было. Тут у меня
прокол!

ТИТАРЕНКО. Почему?

ФЕДОТОВ. А первый раз на турбазе я. И вот время с тобой теряю!

ТИТАРЕНКО (*сердито*). Ну не теряй!

ФЕДОТОВ. И не буду! (*Берёт пальто.*) Действуем по заранее
согласованному плану!

ТИТАРЕНКО. Роскомпартыч, ну не могу я вот так...

ФЕДОТОВ. И не надо. Всех-то дел – посидишь с нами за
компанию. А когда я уйду... ну, ещё посидишь... с той, которая
останется... Потом спать уложишь. В мою кровать. Всё.

ТИТАРЕНКО. А...

ФЕДОТОВ. Слушай, гениальная идея! Разобьюсь, а второй будет
та, которая в столовой рыдала. Она же после первой рюмки опять
рыдать начнёт! У нас с первой и повод будет уйти. А тебе всего-то и
нужно будет по головке её погладить и баиньки уложить.

ТИТАРЕНКО. Роскомпартыч!..

ФЕДОТОВ. Успокойся, Коля! Честь твоя не пострадает. Ну пере-
ночуешь одну ночь... Ну, считай, что ты её со мной и переночуешь.
Просто на моей кровати будет женщина спать — и всё. А ты считай,
что это я сплю — какая тебе разница? Тебя же это ни к чему не
обязывает. Ты в поезде в одно купе с женщиной попадёшь – тебя это
к чему-нибудь обязывает?! Ты ведь просто спишь! Сам по себе –
правда? Здесь – не то же самое?! То же! Но, если та, которая здесь
останется, к тебе сама приставать начнёт... А ты ей какую-нибудь
байку расскажи! Например, на Севере служил, что-нибудь там себе
отморозил. Или после операции ты. Или... (*Произнося эту тираду,
Федотов быстро одевается и выскакивает за дверь.*)

*Титаренко открывает чемодан. Вздрагивает — на стене снова
оживает репродуктор: «Уважаемые отдыхающие!
Администрация турбазы поздравляет вас с прибытием и началом
отдыха. С расписанием дня вы можете ознакомиться в своих
корпусах. Желающих приглашаем записываться на экскурсии и в*

трёхдневный лыжный поход. Вы прослушали объявление администрации турбазы. Приятного вам отдыха». Титаренко закрывает чемодан, смотрится в зеркало, открывает и закрывает кран... Тем временем репродуктор, всхлипнув, переключается на какую-то радиопрограмму: «Сегодня в Кремле президент России Борис Николаевич Ельцин вручил высокие правительственные награды представителям науки и культуры...» Радио замолкает. В тишине слышен стук в стекло. На мгновение опять включается репродуктор: негромко звучат первые такты бетховенского «стука судьбы» (Бетховен Симфония №5 с toll 1ч. «тема судьбы»). Титаренко подходит к застеклённой двери. Стук повторяется. Титаренко что-то пытается показать через стекло, затем, пожав плечами, поворачивает задвижку, открывает дверь. Появляется женщина, не старше тридцати, — в шубке и шапке из искусственного меха, в сапожках, в тёмных очках и с незажжённой сигаретой в руке. Это Валентина.

ТИТАРЕНКО. Ничем не могу помочь. Не курю.

ВАЛЕНТИНА. И правильно. Я вот тоже давно хочу бросить... А посмотреть можно?

ТИТАРЕНКО. Что посмотреть?

ВАЛЕНТИНА. У вас такой корпус интересный. Вышла погулять — вдруг вижу: такой корпус интересный.

ТИТАРЕНКО. Послушайте, холодно. Не знаю, входите, что ли?

ВАЛЕНТИНА (входя). Вы через эту дверь ходите?

ТИТАРЕНКО. Нет, через ту. Эта, наверно, летняя. Даже странно, что открылась.

ВАЛЕНТИНА. Всё равно здорово. Когда хочешь — ушёл, когда хочешь — пришёл. Никому не докладываешь. Удобно!

ТИТАРЕНКО. А у вас разве не так?

ВАЛЕНТИНА. Что вы! У нас... С чудачкой этой в одну комнату не попала — и на том спасибо.

ТИТАРЕНКО. С какой чудачкой?

ВАЛЕНТИНА. Да с этой. Которая в столовой отличилась. Вы не видели?

ТИТАРЕНКО. В столовой? Видел... А она действительно чухонка?

ВАЛЕНТИНА. А какая разница?

ТИТАРЕНКО. И в самом деле...

ВАЛЕНТИНА. Повезло, называется! За одним столом с ней оказалась. Смотрю, салатом давится — еле съела. А над борщом — в слёзы. Спасибо Вера её вывела.

ТИТАРЕНКО. У неё что-то случилось?

ВАЛЕНТИНА. Ага! Горе-несчастье! Вообразила себе, что турбаза эта — чуть не в центре Москвы. Между ГУМом и Мавзолеем. Или в профкоме ей три короба наврали, когда уговаривали путёвку взять. Паршивые, наверно, на этой турбазе дела, если уже так путёвки людям впихивают. Я ещё в автобусе заметила: пока от станции ехали, эта чудачка ещё ничего была. А как на трассу выехали да через две деревни проскочили без остановки — тут, смотрю, она вроде как деревенеть стала. А на борще... Ладно, дадите даме прикурить?

ТИТАРЕНКО. Я не курю. Может, у соседа спички есть? А он ушёл.

ВАЛЕНТИНА. Вас тут трое?

ТИТАРЕНКО. Двое. Обещали больше никого не подселять.

ВАЛЕНТИНА. Роскошно!

ТИТАРЕНКО. Роскошно... *(Неожиданно для себя.)* Устроит он мне роскошную жизнь. Не успел приехать, помчался женщину искать.

ВАЛЕНТИНА. Какую?

ТИТАРЕНКО. Любую. У него теория такая. Любой женщине нужна любовь. Он может её дать. Всё, конец цитаты.

ВАЛЕНТИНА. Интересно... А какой он из себя?

ТИТАРЕНКО. Никакой. *(Взрывается.)* Не знаю, что он там кому дать может.

ВАЛЕНТИНА *(смеётся)*. Это вы зря, нет таких мужчин, чтобы ничего женщине дать не могли. А если бывают... сами женщины и виноваты!.. А ты зачем приехал?

ТИТАРЕНКО. Зачем? *(Вдруг говорит с интонацией Федотова.)* А зачем мужик на турбазу рвётся?

ВАЛЕНТИНА *(хохочет)*. Нет, зачем?

ТИТАРЕНКО. А вы зачем?

ВАЛЕНТИНА. Я? Замуж выйти.

ТИТАРЕНКО. Как это?

ВАЛЕНТИНА. Ну, как все, наверно. Я ещё ни разу не выходила.

ТИТАРЕНКО. И за кого?

ВАЛЕНТИНА. А я не выбирала ещё. Огляжусь вначале.

ТИТАРЕНКО. И откуда вы такая?

ВАЛЕНТИНА. Какая?

ТИТАРЕНКО. Ну... такая...

ВАЛЕНТИНА (*быстро идёт к зеркалу*). Какая такая?

ТИТАРЕНКО. В смысле откуда.

ВАЛЕНТИНА. А... Из Княж-Острова.

ТИТАРЕНКО. А в вашем Княж-Острове женихов нет?

ВАЛЕНТИНА. Видала бы я их всех!.. Тех, что получше, уже разобрали. А те, что остались... Дура я была, не сразу поняла... Нет, а ты зачем приехал?

ТИТАРЕНКО. Пьесу писать.

ВАЛЕНТИНА. Какую пьесу?

ТИТАРЕНКО. Такую. (*Смеётся, показывая на её сигарету.*)

Вроде как про спички.

ВАЛЕНТИНА. Какие спички?

ТИТАРЕНКО. Которые в переходный период всем на сдачу, вместо мелочи, совали. Когда у нас ещё мелочь медная была.

ВАЛЕНТИНА. И как ты про это будешь пьесу писать?

ТИТАРЕНКО. Ну, как все, наверно. Я ещё ни разу не писал.

ВАЛЕНТИНА. А все как пишут?

ТИТАРЕНКО. В принципе просто. Пишешь имя персонажа. Ставишь точку. Потом — то, что он сказал. Потом — ремарку. Потом — имя другого персонажа и что он сказал. Получается диалог.

ВАЛЕНТИНА. А ремарка — это что? Я думала, что билет бесплатный.

ТИТАРЕНКО. Бесплатный — контрамарка. А ремарка — слова от автора.

ВАЛЕНТИНА. И что получается?

ТИТАРЕНКО. Да что угодно! Вот например. Ремарка: кабинет в Кремле, входит Владимир Ильич, садится за стол.

ВАЛЕНТИНА. Владимир Ильич? Тот самый?

ТИТАРЕНКО. Тот. Дальше с абзаца: Владимир Ильич. В скобках: задумчиво. Точка. Теперь реплика: Феликс Эдмундович. Опять ремарка: входит Феликс Эдмундович. Теперь диалог. Феликс Эдмундович. Вызывали, Владимир Ильич? — Владимир Ильич. Проходите, проходите. А как узнали, что я вас вызывал? — Феликс Эдмундович. Работа такая. — Владимир Ильич. Плохо! Плохо работаете, батенька! — Феликс Эдмундович. А я думал, хорошо. — Владимир Ильич. Вы архинеправы, батенька. Куранты который день стоят? Приедет какой-нибудь иностранец, к примеру, как я гениально продвину, Герберт Уэллс, а на Красной площади беспризорный

стырит у него часы — что прикажете Герберту Уэллсу делать? Как ему время узнать? — Феликс Эдмундович. Ну, беспризорных, Владимир Ильич, мы с Красной площади уберём. — Владимир Ильич. И убирайте! Вот вы, Феликс Эдмундович, этим и займитесь. Сердце у вас горячее, нос холодный, голову вы ещё в ссылке потеряли, здравый смысл... здравого смысла у нас с вами, по-моему, никогда не было. Так что вам и карты в руки!

ВАЛЕНТИНА. Это что, комедия?

ТИТАРЕНКО. Трагедия. Только весёленькая! Последний инженер, который ещё не забыл, чему его в политехе учили, спички продаёт. Чека хватает инженера, но везёт не на Лубянку — в Кремль! Бездна юмора. Он-то думал — на Лубянку! Зрители рыдают со смеху. Они-то тоже думали — на Лубянку. А оказывается — куранты чинить. За другими инженерами, правда, никто не посылает. Другие пусть продолжают. Что они там продают? Спички? Мыло? Стиральный порошок? А куранты — их же все видят!..

ВАЛЕНТИНА (с *сомнением*). Это твоя пьеса такая?

ТИТАРЕНКО. Нет, не такая. Мою ещё написать надо. Тоже комедия, между прочим. Вчерашний конструктор садится за пьесу. И думает, как ему повезло! Не на рынке, не на бирже — в газету взяли. Пишет... Только чем больше пишет, тем меньше может сказать. Парадокс какой-то! Вы что, хотите туда, обратно? Я не хочу. Так вперёд!.. А куда вперёд? Заводы стоят, инженеры на рынках торгуют, начальство по заграницам мотается...

ВАЛЕНТИНА. И наше мотается! А завод месяцами стоит. Зато возвращаются на машинах.

ТИТАРЕНКО. Угу. Главное, чтобы куранты шли. Тикают — значит, всё нормально: их время!

ВАЛЕНТИНА. Так ты здесь пьесу будешь писать?

ТИТАРЕНКО. А больше нигде. Это... я даже не знаю, что это. Вдруг просыпаешься среди ночи... Какие-то образы, слова рвутся наружу... А тут путёвка подвернулась. Недорогая... И профсоюз расщедрился — пятьдесят процентов оплатил...

ВАЛЕНТИНА. А ты откуда?

ТИТАРЕНКО (*неопределённо машет рукой в сторону окон*). Оттуда.

ВАЛЕНТИНА. Погоди, так у вас теперь независимое государство? И деньги не такие, как у нас?..

ТИТАРЕНКО. Ну да. Называется независимым. А деньги...
(*Достаёт из кармана, бросает на стол.*) Вот это у нас теперь – деньги.

ВАЛЕНТИНА (*с любопытством берёт в руки, читает*). Сто тысяч купонов. Ого! Ты что, миллионер?

ТИТАРЕНКО. У нас уже все миллионеры. Ну... у кого работа есть. И когда за неё платят.

ВАЛЕНТИНА. Миллионеры... Хорошо живёте! И ты здесь ими за путёвку доплатил?

ТИТАРЕНКО. Нет, рублями. Я сюда с рублями приехал. А это – на обратную дорогу. (*Бросает ещё несколько бумажек на стол, Валентина их с интересом разглядывает.*) Здесь они ничего не стоят. А на обратном пути, когда границу пересечём...

ВАЛЕНТИНА. Так уже и граница есть? И как же тебя пропустили?!

ТИТАРЕНКО. Одно название...

ВАЛЕНТИНА. Это, наверно, пока. А потом... поплывём мы друг от друга в разные стороны, как в море корабли...

ТИТАРЕНКО. Не знаю. Наверно, и через двадцать лет так и будем плавать рядышком в одной проруби, как... в море корабли...

ВАЛЕНТИНА. А может быть, это у вас от... как его?.. От нехватки патриотизма?..

ТИТАРЕНКО. А может, от избытка идиотизма? Ни туда ни сюда – одна говорильня. И будут эти же фантики вместо настоящих денег...

ВАЛЕНТИНА. Подожди, у вас-то на них, наверно, и купить что-то можно...

ТИТАРЕНКО. С каждым днём – всё меньше. Вот об этом я написать хочу! Ломается всё вокруг, а мы – как страусы!.. У нас эти фантики, если хочешь знать (*запинается, но решается и договаривает*), в вокзальных туалетах на полу валяются.

ВАЛЕНТИНА. Как это?

ТИТАРЕНКО. А так. Если уже туалетная бумага дороже, чем эти бумажки. Туалеты теперь везде платные. За вход – плати. Туалетная бумага нужна – отдельно плати! А народ ушлый – сразу просчитывает, если не платить – дешевле получится!..

ВАЛЕНТИНА (*в ужасе*). А потом уборщицы эти бумажки собирают...

ТИТАРЕНКО. Может быть...

ВАЛЕНТИНА (*брезгливо роняет деньги на пол и мчится к умывальнику мыть руки*). Так вот это откуда! От вас пошло – отмывать грязные деньги!..

ТИТАРЕНКО (*грустно смеётся*). Да нет, эти, наверно, ещё не слишком грязные. Эти пока ещё дороже туалетной бумаги...

ВАЛЕНТИНА. А всё равно руки помыть хочется!

ТИТАРЕНКО. А у вас не так? Ты расскажи – может, я в пьесу вставлю.

ВАЛЕНТИНА (*она уже успокоилась*). Слушай, а что ты потом с этой пьесой делать будешь?

ТИТАРЕНКО. Ну... попробую в театр предложить. Хотя не знаю... мне кажется, и театры погибают. Одно телевидение осталось. А держится только на рекламе! Каждые двадцать минут – тампаксы, шоколадки, памперсы, средства от пота, всё вперемешку. После этого никакую шоколадку в рот взять не захочешь. Может, и театры так же выживать начнут? Гамлет кричит: «Быть или не быть?» А из-за кулис выскакивают амбалы и орут: «Если вы воспользуетесь нашим средством от пота... от дурного запаха изо рта... от прыщей... от диареи... от молочницы...» Может, и не нужна никому моя пьеса? Только я всё равно напишу. Это как безумие какое-то – пиши!

ВАЛЕНТИНА. Слушай, а ведь и у меня так было – безумие какое-то!

ТИТАРЕНКО. Что?

ВАЛЕНТИНА. Ремонт я у себя в комнате затеяла. Так штукатурку до самого бетона сняла. Бетон неровный — так я его шкуркой! Месяц пылью дышала! Сама думаю, дура, зачем ты это делаешь, а шлифую, шлифую, шлифую... А что – рабочая косточка! Зато потом обои наклеила — гладко, как яйцо. Я и у матери в комнате хотела так сделать, да она не дала.

ТИТАРЕНКО. Ты вдвоём с матерью живёшь?

ВАЛЕНТИНА. Ага. Мой папаша по всему Советскому Союзу от алиментов бегал. Я его и не помню почти. Может, умер давно от водки. Зато в комнате сразу просторнее стало... Вот я и надумала (*пауза*)... на турбазу приехать.

ТИТАРЕНКО. Теперь за этим надо на турбазу ехать? По-другому нельзя?

ВАЛЕНТИНА. Как? Брачное объявление дать? Чтобы всякие проходимцы кинулись? Нет уж — я и сама могу выбрать! А что? Я —

свободная женщина. Только вот она уже у меня где, эта свобода. А пьесу ты не про то пишешь!

ТИТАРЕНКО. А про что надо?

ВАЛЕНТИНА. Про любовь!

ТИТАРЕНКО. А... ну да! У нас и так семьдесят лет только о курантах писали. Даже если о любви — нет, опять о курантах! Не так просто о любви писать.

ВАЛЕНТИНА. Почему? Сам говорил: слово за слово...

ТИТАРЕНКО. Ну да! Реплика за репликой. Пока не напишешь: конец. Или — занавес. Некоторые пишут: занавес. Не в словах дело.

ВАЛЕНТИНА. А в чём?

ТИТАРЕНКО. В людях. Что ими движет? Вот, скажем, мужчина и женщина. Вдвоём в одной комнате. Ещё незнакомы. А потом оказываются друг у друга в объятиях. Как это вдруг происходит?

ВАЛЕНТИНА. А так же — слово за слово.

ТИТАРЕНКО. Так просто? *(Смеётся.)*

ВАЛЕНТИНА. А зачем мудрить? Вот ты мне говоришь: у вас красивые глаза.

ТИТАРЕНКО. У вас... Откуда мне знать, какие у тебя глаза?

ВАЛЕНТИНА. Оп-ля! По просьбе трудящихся — снимаю!
(Снимает очки.) Ну, говори.

ТИТАРЕНКО. У вас красивые глаза. *(Пристально вглядывается в глаза Валентины, словно пытается что-то в них увидеть.)*

ВАЛЕНТИНА. И всё?

ТИТАРЕНКО. А что ещё?

ВАЛЕНТИНА. Ты же писатель! Придумай! Ну, духи мои похвали. Я из-за них весь город обегала.

ТИТАРЕНКО. Действительно. Духи у тебя невероятные.

ВАЛЕНТИНА. Ну кто так хвалит? Как ты можешь на таком расстоянии почувствовать?

ТИТАРЕНКО. Твоими духами на всю комнату разит.

ВАЛЕНТИНА. А ты вида не подавай. Притворись, что уловил тонкий аромат... подойди поближе... так, наклонись... Ну, говори: какие у вас духи!

ТИТАРЕНКО. Можно тебя поцеловать?

ВАЛЕНТИНА *(смеётся)*. Это ты от своего сексуально озабоченного соседа заразился?

ТИТАРЕНКО. Ну... Нет... Не знаю... Можно тебя поцеловать?

ВАЛЕНТИНА. А ты понял, зачем я приехала?

ТИТАРЕНКО. Понял.

ВАЛЕНТИНА. И что?

ТИТАРЕНКО. Хочу поцеловать.

ВАЛЕНТИНА. А у самого кольцо на пальце!

ТИТАРЕНКО. Кольцо?.. Ну и что? Это... не важно... Это... не показатель... Я же не кольцо, я тебя хочу поцеловать!

ВАЛЕНТИНА. Нет, нет, только не это!

ТИТАРЕНКО. Почему?

ВАЛЕНТИНА. Нельзя меня целовать! Я могу с ума сойти!

ТИТАРЕНКО. А я уже!

ВАЛЕНТИНА. Что уже?

ТИТАРЕНКО. Уже сошёл! Всё – целую!

ВАЛЕНТИНА. Ни за что! *(Вскакивает на стол.)*

ТИТАРЕНКО. А я всё равно хочу! *(Вскакивает на стол вслед за ней.)*

ВАЛЕНТИНА. Никогда! *(Хватает стоящий у стола стул, ставит на стол, через секунду стоит на сиденье стула.)*

ТИТАРЕНКО. Ну что мне сделать, чтобы ты сказала да?! *(Хватает второй стул, ставит на стол рядом с первым, вскакивает на сиденье.)*

(Примечание для режиссёра. Автор не настаивает, что такое решение мизансцены – единственное, просто показывает, что оно может быть и гротескно-комическим: так, к примеру, женщина, увидев мышь, способна вскочить и на стул, и на стол.)

ВАЛЕНТИНА. Ну пожалуйста, не надо.

ТИТАРЕНКО *(жалобно)*. Ну пожалуйста...

ВАЛЕНТИНА. Ну целуй. *(Целует его сама.)*

ТИТАРЕНКО. У тебя действительно красивые глаза. *(Целует.)* И духи. *(Целует.)* Тебя как зовут? *(Целует.)*

Раздвигаются декорации (стены комнаты), Валентина и Титаренко оказываются прямо на берегу озера. Солнечный свет становится весенним и тёплым («Всё стало вокруг голубым и зелёным, В ручьях забурлила, запела вода, Вся жизнь потекла по весенним законам, Теперь от любви не уйти никуда...»), по-весеннему оглушительно поют птицы (впрочем, и это решение, как и последующие, автор оставляет на усмотрение режиссёра).

ВАЛЕНТИНА. Валентиной. А тебя?

ТИТАРЕНКО (*целует*). Николаем. Колей. (*Снова целует.*) А мне тебя вот так Валентиной и звать?

ВАЛЕНТИНА. А это ты сам решаешь.

ТИТАРЕНКО (*целует*). А тебе как больше нравится?

ВАЛЕНТИНА. Мне по-всякому нравится. Как захочешь – так и зови, не успеешь позвать – а я уже тут как тут (*смеясь, вы-свобождается*). Хватит, Коленька.

ТИТАРЕНКО. Почему?

ВАЛЕНТИНА. Ну, тебе, наверно, писать надо. Писать, писать...

ТИТАРЕНКО. Ну не только.

ВАЛЕНТИНА. А ещё что?

ТИТАРЕНКО. Ну, по лесу гулять. Дышать. Сюжет обдумывать.

ВАЛЕНТИНА. И всё?

ТИТАРЕНКО. Валечка, я всё понял! (*Целует*).

ВАЛЕНТИНА. Отпусти! Хочешь, чтобы я совсем с ума сошла?

ТИТАРЕНКО. Хочу. Очень хочу. Сойди, пожалуйста!

Из репродуктора крецендо звучит «тема судьбы», которую внезапно сменяет дикторский текст: «Уважаемые отдыхающие! Напоминаем: до ужина осталось полчаса. После ужина всех приглашаем в клуб на лекцию «Активный отдых — основа здорового образа жизни». После лекции — танцы. Приятного вам отдыха».

ВАЛЕНТИНА. Вот видишь? (*Титаренко снова тянется с поцелуем, но Валентина уже прыгнула со стула на стол.*) А я ещё кудри не сделала. (*Титаренко прыгивает следом, но Валентина уже спустилась на пол.*) Всё! Получил своё – хватит.

Стены комнаты возвращаются на своё место: декорации и освещение становятся прежними.

ТИТАРЕНКО. Всё?!

ВАЛЕНТИНА. Тебе мало?

ТИТАРЕНКО. Мало!

ВАЛЕНТИНА. Ладно. Зайди за мной после ужина. Корпус три, комната три, легко запомнить. Или нет — я сама к тебе приду. Через эту дверь (*уходит через дверь, ведущую на террасу; дверь остаётся незапертой*).

ТИТАРЕНКО (*вслед*). Да, да, приходи!

Собирает деньги с пола, ставит на место стулья, начинает распаковывать чемодан. Всё валится у него из рук. Через другую дверь входит Федотов.

ФЕДОТОВ (*с порога, резко*). Распаковываешься?! А зря! Пакуй вещи обратно.

ТИТАРЕНКО (*оторопев*). Зачем? Почему?

ФЕДОТОВ. ЧП, Коля! Директор турбазы с кассиршей сбежал. Которой мы сегодня деньги сдавали. Вместе с кассиршей и деньгами и сбежал, собака!

ТИТАРЕНКО. И что?

ФЕДОТОВ. А то. Тебя ещё не допрашивали?.. Меня уже допросили. Если к утру не поймают, отдых закончен. У них в столовой продуктов только на завтрак осталось. Вот завтраком покормят, на автобус и – не плачь, девчонка, пройдут дожди!..

ТИТАРЕНКО. Чёрт знает что! Ты это серьёзно?

ФЕДОТОВ (*хохочет*). С первым апреля, Коля! Забыл, какое сегодня число? Я, если честно, тоже забыл. (*Резко обрывает смех.*) Так ведь напомнили!..

ТИТАРЕНКО (*хохочет с облегчением*). Роскомпартыч! А я поверил! С первым апреля! А оказывается, всё в порядке...

ФЕДОТОВ. Не всё, Коля, официальная обстановка отменяется.

ТИТАРЕНКО (*возмущён*). Опять разыгрываешь?! Мы же всё решили. Идёшь на разведку. Находишь. Уходишь.

ФЕДОТОВ. Уходить некуда, Коля. Никаких условий! Серьёзно. Девяностые на дворе, а у них тут до сих пор совдепия и никакой свободы. Они, оказывается, баб меньше чем по шесть штук не селят, понял? Потому, кстати, у них и путёвки такие дешёвые.

ТИТАРЕНКО. Ну и что?

ФЕДОТОВ. А то, что при таком раскладе у администрации никакой головной боли. Они же все шесть так и смотрят друг за другом. Одна ещё только подумала, а пять уже бдят. И всё! В Багдаде всё спокойно! Никто ни с кем не спит. Поэтому администрация спит спокойно.

ТИТАРЕНКО. А по двое их не селят?

ФЕДОТОВ. Ты даёшь, по двое! Две, они сговориться могут. А ведь какой контингент, Коля! У некоторых чертенята из глаз так и скачут! Если такую не полюбить сию минуту, всё, конец девке. А условий нет!

ТИТАРЕНКО. Ну придумай что-нибудь! Ты к этой, с чертенятами, а я...

ФЕДОТОВ. А ты – что? Тут с остальными пятью? Ой, Коленька, что с тобой к утру будет!..

ТИТАРЕНКО. Ты что?!

ФЕДОТОВ. Ничего. Первое апреля, шутка. Извини, если неудачная.

ТИТАРЕНКО. И ничего нельзя сделать? Ну думай, у тебя же опыт!..

ФЕДОТОВ. Да ладно, Коля... Я тебе тут наговорил... Нет, по молодости всякое было. А потом подумал – вот так всю жизнь мотыльком порхать? Надо что-то решать. А тут – Эфиопия. И... Ты про «Груз-200» слыхал? А я не только слыхал — я вёз. Своего лучшего друга – «Груз-200». В Минск. К семье. Всё честь по чести. Знамя склонённое. Салют. Потом, когда помянули, когда все разошлись, жена его плачет, я с ней на кухне сижу — всё про него рассказываю, какой он друг был и мужик что надо. Пока не выплакалась она. Постелила мне в соседней комнате. А ночью... пришла. Понимаешь, у неё же никого — он только и был. Две дочки маленькие в другой комнате спят. Они ещё толком и не поняли ничего. Такое у неё одиночество... Я, думаю, последней сволочью буду, если прогоню её. И перед ней. И перед другом...

ТИТАРЕНКО. Может, и неправильно, но ты, наверно, правильно поступил.

ФЕДОТОВ. Но тут я и подумал: ну остепенюсь. А сколько женщин из-за этого так и останется несчастными! А ведь вся радость в жизни — от них, от женщин!.. А сегодня... Не знаю, Коля, может, это знак? Остановись, Федотов, хватит, пора?.. *(Пауза. За окнами разливается красный от заката полумрак.)*

ТИТАРЕНКО *(обречённо)*. Значит, здесь сегодня ночевать будешь?..

ФЕДОТОВ. Пошли ужинать. Я, когда ем, лучше соображаю *(уходит)*.

Титаренко одевается. Стук в застеклённую дверь. Входит Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Ну как я? *(Снимает шапку.)*

ТИТАРЕНКО *(зажигая свет)*. Ну... неплохо... Валя, а вас в вашей комнате номер три, вас сколько?

ВАЛЕНТИНА. Нас *(считает про себя)*... шесть. А что?

ТИТАРЕНКО *(возмущённо)*. Они же вас нарочно так! Одна только подумала, а пять уже смотрят. Какое свинство!

ВАЛЕНТИНА. Ну и что? *(Целует его.)*

ТИТАРЕНКО. Какая гадость! *(Валентина смотрит, не понимая.)*
Что за гадость ты куришь?

ВАЛЕНТИНА. Почему гадость? Хорошие сигареты.

ТИТАРЕНКО. Всё равно гадость. Ты и дома куришь? Или только на отдыхе?

ВАЛЕНТИНА. Курю. У моей мамы после гриппа осложнение получилось – обоняние потеряла, так я запираюсь в туалете — и курю. Она не догадывается.

ТИТАРЕНКО. Пошла бы ты лучше зубы почистила.

ВАЛЕНТИНА *(сердито)*. Да ладно тебе. Может быть, и почищу. После ужина. Сначала накурюсь досыта, потом зубы почищу, чтобы ты не фыркал. Потом... Ладно, будь здесь после ужина, может быть, увидимся. *(Уходит через застеклённую дверь.)*

ТИТАРЕНКО *(вслед, порывисто)*. Валя, обязательно приходи!
Распахивается другая дверь. Быстро входит Федотов.

ФЕДОТОВ. Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди доблести полны, в строю стоят советские таксисты!..

ТИТАРЕНКО. Таксисты? Не танкисты?

ФЕДОТОВ. Тебе не всё равно?! Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин, и таксисты в строй встанут. Да... о чём это я? Таксисты, танкисты... Сбил ты меня... А! Вот! Коленька, возможны варианты. Письмо с фотографией ускорит знакомство. Ну, радуйся, похоже, покидаю тебя. Без слов, без сожалений, без условий. На всю ночь останешься. Один! Иди быстрее ужинать, а то удачу упустишь.

ТИТАРЕНКО *(радостно)*. Опять разыгрываешь?

ФЕДОТОВ. Нет, серьёзно. Если только меня самого не разыграют. Иди ужинать. Я после ужина тебе точно скажу.

ТИТАРЕНКО. После ужина? А сейчас?..

ФЕДОТОВ. Сейчас ещё сам не знаю. Но... вполне возможно, уйду... на всю ночь.

ТИТАРЕНКО. А... куда?

ФЕДОТОВ *(сердито)*. Не закудакивай – дороги не будет!

ТИТАРЕНКО. Слушай, Роскомпартыч, если женщина говорит мужчине «может быть», это как понимать?

ФЕДОТОВ. Только так – «да».

ТИТАРЕНКО. А если говорит «да»?

ФЕДОТОВ. «Да» говорят только те, кто за деньги.

ТИТАРЕНКО. А если говорит «нет»?

ФЕДОТОВ. Она что, враг себе, чтобы «нет» говорить?..

Титаренко хочет что-то сказать, передумав, надевает пальто, уходит. Федотов открывает дверцу шкафа, что-то там перекладывает и переставляет, выходит следом.

Стук в застеклённую дверь. Пауза. Стук повторяется. Дверь открывается. Входит Валентина. Видит пустую комнату. Идёт к двери, ведущей в коридор. Осторожно пытается приоткрыть её. Дверь заперта снаружи. Валентина прислушивается. Тишина. Молча постояв минуту посреди комнаты, Валентина выходит через застеклённую дверь, тихонько притворив её за собой. В другой двери щёлкает замок. Входит Титаренко. Не снимая пальто, к чему-то прислушивается. Подходит к застеклённой двери. Раздумывает. Снимает пальто, садится за стол. Ждёт, поглядывая то на часы, то на застеклённую дверь. Одновременно с приходом Титаренко на стене начинает работать репродуктор, через взвизги помех и треск перескакивая с одной радиопрограммы на другую:

«Два кусочка колбаски у тебя лежали на столе...» Взвизг.

ЧЁТКИЙ ДИКТОРСКИЙ ГОЛОС. Генерал Руцкой объявил, что у него имеется одиннадцать чемоданов компромата на высших госчиновников России. *Взвизг.*

«Бухгалтер, милый мой бухгалтер...» Взвизг.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*нервно*). ...И мой парень кончил прямо в меня!

МУЖСКОЙ ГОЛОС (*спокойно*). Уважаемая Катя, на самом деле это повод обсудить одну из самых больных проблем современности. Не случайно наша бывшая союзная республика, а ныне независимое государство Украина ввела в число условий для получения гражданства обязательную сдачу анализа на СПИД... (*Взвизг.*)

ЧЁТКИЙ ДИКТОРСКИЙ ГОЛОС. По оценке аналитиков, ситуация в Нагорном Карабахе угрожает дестабилизацией обстановки также и в пограничных государствах...

Взвизг, рокот помех. Два мужских голоса поверх помех.

1-й ГОЛОС (*зычный, с лёгкой хрипотцой*). Юнга, непорядок в эфире! Люди отдыхать приехали, а ты им что гонишь?!

2-й ГОЛОС (*по-молодому звонкий*). Ёлки-палки, прямо в сеть идёт?! Сейчас! (*Рокот помех исчезает, остаются только голоса.*) Захарыч, представляешь, что наш Борис Николаевич заявил? Утром проснулся – и первая мысль: **ЧТО** ты сделал для Украины?

1-й ГОЛОС. Борис Николаевич? Ему что, украинского сала привезли?

2-й ГОЛОС. Ага, и горилки с перцем!

1-й ГОЛОС. Странно. Я его только что видел – мне он ничего такого... И трезвый вроде... Когда это он тебе заявил?

2-й ГОЛОС (*со смехом*). Захарыч!.. Да не наш Борис Николаевич! То есть наш, но не Борис Николаевич, а Борис Николаевич – президент! Я сейчас по всем радиопрограммам ищу – может, повтор будет? На магнитофон хочу записать!

1-й ГОЛОС. А он с чего? Горилки с перцем откушал?

2-й ГОЛОС (*со смехом*). И украинским салом закусил!..

1-й ГОЛОС. Юнга! Отставить эти глупости! Отвлекись! Разрешаю на танцы сходить.

2-й ГОЛОС. А потом чего?

1-й ГОЛОС. А диванчик у нас тут зачем?

2-й ГОЛОС. А ты, Захарыч?..

1-й ГОЛОС. А я – домой, отдыхать... Чёрт, юнга, да у тебя ещё и тумблер включён!

Раздаётся щелчок, тишина. Открывается дверь из коридора, донельзя радостный входит Федотов.

ФЕДОТОВ (*не раздеваясь, открывает шкаф, что-то рассовывает по карманам*). Гремя огнём, сверкая блеском стали... (*Смотрит на горящую под потолком лампочку.*) Странно, а у нас горит!

ТИТАРЕНКО. Что горит?

ФЕДОТОВ. Свет! Ты что, на танцах не был?

ТИТАРЕНКО. Там же лекция сначала.

ФЕДОТОВ. Отменили. Вместо лекции – сразу танцы. Обещали от ужина и до упаду. А только народ во вкус вошёл – электричество пропало!

ТИТАРЕНКО. И что теперь делать будешь?

ФЕДОТОВ. Ну что тут сделаешь?.. (*Обречённо.*) Обратно на танцы пойду. И тебе советую. Слушай приказ, Коля! Шагом марш на танцы!

ТИТАРЕНКО. Там же света нет!

ФЕДОТОВ. А мы в темноте и без музыки!.. Первое апреля, Коля!.. Всё там нормально, пошли, шанс теряешь!

ТИТАРЕНКО *(колеблется)*. Я... нет... я поработать решил.
(Достаёт из чемодана пачку бумаг, шариковую ручку, садится за стол, раскладывает бумаги.)

ФЕДОТОВ *(ошеломлён)*. Какая ещё работа на отдыхе?!

ТИТАРЕНКО *(сквозь зубы)*. Ты же мне слова не даёшь вставить!
А я сюда, между прочим, приехал пьесу писать!

ФЕДОТОВ *(смотрит с удивлением)*. Ну тогда пиши, Шаляпин.
Мешать не буду. Целая творческая ночь у тебя впереди *(выходит)*.

ТИТАРЕНКО *(пытается сосредоточиться, но, заслышав шаги или смех, вскакивает, подходит к двери террасы, смотрит в темноту, открывает вторую дверь, выглядывает в коридор, снова пытается сосредоточиться, наконец читает рукопись)*. Секретарь парткома. Товарищ Сидоров, вы всегда были примерным коммунистом, выполняли план, не допускали прогулов, правильно понимали политику партии. Но ситуация изменилась. Деятельность КПСС, вы знаете, теперь под запретом. – Сидоров. Иван Иванович, что теперь с нами будет? – Секретарь. Не волнуйтесь. Репрессий не будет. Коммунисты, которые не запятнали себя участием в государственном перевороте, могут жить спокойно. Я вас вызвал... извините, я вас пригласил, чтобы вручить вам вашу учётную карточку. Распишитесь здесь, что вы её получили. – Сидоров. А дальше что – сжечь? – Секретарь. Вы можете её спокойно хранить. Я же сказал: репрессий не будет. – Сидоров. А с вами что будет, Иван Иванович? – Секретарь. Я тоже себя ничем не запятнал. Я, как и все, ничего не делал – ждал, что будет дальше. – Сидоров. Вот и дождались... – Секретарь. Товарищ Сидоров!.. Спыхватывается, смотрит в учётную карточку, меняет тон. Всё нормально, Николай Николаевич, я теперь заместитель директора по общим вопросам. А вы по-прежнему представитель славного рабочего класса. И мне, и вам не в чем себя упрекнуть. – Сидоров. Но дальше как? Кто теперь будет осуществлять руководящую и направляющую роль? – Секретарь. Теперь, Николай Николаевич, у нас демократия, свобода слова и свобода совести. Надо просто жить по совести, и всё будет нормально. – Сидоров. И никто не будет направлять, руководить и защищать? – Секретарь. От чего – защищать, Николай Николаевич? – Сидоров. Я пока не знаю, но вдруг понадобится... ну, на мастера пожаловаться хотя бы... – Секретарь. Ну, ещё профсоюзы есть. Они себя тоже ничем не запятнали, а заняли правильную выжидательную позицию. Можете в профсоюз жаловаться. – Сидоров. И на мастера?

Он ведь тоже член профсоюза. – Секретарь. Но ведь вы не боялись жаловаться, когда он был членом КПСС? – Сидоров. Но тогда меня КПСС и защищала. А ему вы тоже вручили учётную карточку? – Секретарь. Как и вам. Кстати, если деятельность компартии будет когда-нибудь возобновлена, вы имеете право на членство в ней. Как и в любой другой партии. – Сидоров. Но если партий будет много, какая из них будет нас защищать? Какой из них будет можно жаловаться. – Секретарь. Ну, если на мастера, то можете и мне – я ведь теперь заместитель по общим вопросам...

Вновь (опять-таки – на усмотрение режиссёра) раздвигаются стены комнаты, открывая танцевальный зал клуба. Танцы в разгаре. Гремит музыка. На первом плане всюду выплясывает Федотов. И только Титаренко, одинокий и безучастный, остаётся в стороне от этого праздника жизни... Стены комнаты возвращаются на своё место: декорации и освещение становятся прежними. Тишина.

ТИТАРЕНКО. Что за чушь я написал?! (*Комкает страницу, швыряет её на пол, снова прислушивается к шагам и смеху за окнами, берёт ручку, пишет на новой странице.*) Она сказала, жди меня здесь, я приду после ужина... (*Комкает и швыряет на пол и эту страницу, пишет.*) Если женщина сказала «может быть»...

Открывается дверь, ведущая в коридор. Титаренко вскакивает, с радостным выражением лица поворачивается к двери. В дверь вваливается почти счастливый Федотов.

ФЕДОТОВ. Из полей доносится «налей»... Как успехи, Эзоп?

ТИТАРЕНКО. Танцы кончились?

ФЕДОТОВ. Нет ещё. Советую пойти, пока ещё не все до упаду, а то поздно будет. Это я уже оттанцевал. Возьму кое-что и уйду на всю ночь, как и обещал.

ТИТАРЕНКО. Опять – первое апреля?

ФЕДОТОВ. Нет, на полном серьёзе.

ТИТАРЕНКО. Тогда... я сейчас. Через минуту (*хватает с вешалки пальто, бросается к двери*).

ФЕДОТОВ (*вслед, со смешком*). А за минуту можно и не успеть!

ТИТАРЕНКО (*уже из коридора*). Сам разберусь!

Федотов достаёт из шкафа какие-то сумки. Из них появляются бутылки, закуски, пластмассовые стопочки. Всё это он складывает в одну сумку. Не снимая пальто, быстро чистит зубы над раковиной умывальника, уходит. В комнате остаётся гореть свет.

Входит Титаренко. Смотрит на застеклённую дверь. Прямо в пальто садится у стола.

Вновь неожиданно начинает говорить репродуктор:

1-й ГОЛОС (*женский*). Ой, как тут у вас интересно! Это правда боевая радиорубка?..

2-й ГОЛОС (*голос «юнга» из предыдущего «радиоэпизода*).

Самая настоящая! Как на эсминце!

1-й ГОЛОС. Как интересно! А диванчик зачем?

2-й ГОЛОС. А чтобы радист на боевом посту мог отдохнуть без отрыва от эфира. Ёлы-палы! Кто опять тумблер включил?!

Щелчок, тишина. Титаренко вскакивает. Распахивает застеклённую дверь. Захлопывает. Открывает дверь в коридор. Закрывает. Снова выглядывает на улицу. Смотрит на часы. Садится за стол, пишет. Кладёт голову на руки. Меркнет свет. Открывается застеклённая дверь. Входит Валентина. Подходит к Титаренко.

Гладит его по волосам. Титаренко поднимает голову, смотрит на Валентину, встаёт. Они обнимаются. Из репродуктора начинается звучать медленное танго. Титаренко и Валентина танцуют. Не прекращая танца, целуются. Валентина растёгивает на Титаренко пальто и бросает на пол. Он бросает на пол её шапку и шубку. Валентина растёгивает на нём пиджак, он тоже падает на пол. Следом – рубашка Титаренко и блузка Валентины. Открывается дверь, ведущая в коридор, входит Федотов. Молча смотрит на танцующих. Открывается застеклённая дверь. Входит женщина в замшевой куртке. Смотрит на танцующих, приближается к Федотову. Федотов делает шаг навстречу. Также начинают танцевать. Свет продолжает меркнуть. На пол падают замшевая куртка, пальто Федотова, пиджак, блузка его партнёрши. Федотов и Титаренко сближаются, меняются партнёршами, расходятся, снова сближаются, снова меняются... Свет гаснет окончательно, включается стробоскоп, музыка меняет ритм, звучит всё раскованнее, энергичнее. Под стать ей всё откровеннее, смелее и бесстыднее становится танец. На высокой ноте музыка обрывается, гаснет стробоскоп. Полная темнота. Тишина.

Действие второе

Та же комната. Темно. За стёклами чуть брезжит утро.

Титаренко в майке и брюках спит, сидя за столом. На полу валяются его пальто, пиджак, рубашка, скомканные страницы рукописи. Стук в застеклённую дверь. Титаренко с трудом поднимает голову. Дверь открывается, входит Валентина.

ВАЛЕНТИНА (бодро). Привет! У тебя спичек нет? С утра пораньше на зарядку побежала, а курить хочется... сил моих нету...

ТИТАРЕНКО (всё ещё сонный). Ты откуда?

ВАЛЕНТИНА. Оттуда. С улицы. С зарядки!

ТИТАРЕНКО. А почему одета?

ВАЛЕНТИНА. А что – голышом по морозу?.. А ты чего так – в майке и вещи разбросаны?..

ТИТАРЕНКО. А это ты разбросала.

ВАЛЕНТИНА. Когда?

ТИТАРЕНКО. Ну... тогда... А сама уже одеться успела?

ВАЛЕНТИНА. Успела, как видишь! А соседа твоего по-прежнему нет?

ТИТАРЕНКО (*оглядываясь*). Нет. А куда он делся? И когда? При тебе?..

ВАЛЕНТИНА (*обеспокоенно*). Коля, что с тобой?

ТИТАРЕНКО. Не знаю... Погоди... А ты?.. Откуда ты взялась, да ещё одетая? Я же тебя раздел...

ВАЛЕНТИНА. Коля, может, «скорую» вызвать? Я – оттуда, с улицы, с зарядки, а с тобой что? (*Включает в комнате свет.*)

ТИТАРЕНКО (*с недоумением смотрит на разбросанную одежду*). Ты хочешь сказать, это я сам, что ли?.. Я всегда одежду аккуратно вешаю...

ВАЛЕНТИНА. Коленька, с тобой такое уже было?

ТИТАРЕНКО (*со стоном распрямляется, растирает затёкшие руки*). Значит, приснилось? Но какой реальный сон... Первый раз в жизни...

ВАЛЕНТИНА. Так ты в порядке?

ТИТАРЕНКО (*ещё в полусне*). В полном. Только не проснулся ещё. Ты мне всё ещё снишься?..

ВАЛЕНТИНА. Нет. Если хочешь, ущипну.

ТИТАРЕНКО. Если хочешь, ущипни. (*Встаёт, собирает одежду, аккуратно разглаживает ладонью пиджак, вешает на спинку стула, с сомнением смотрит на рубашку, бросает в шкаф.*) Только не понял, что здесь ты делаешь, если не снишься. Или это всё-таки наяву было?

ВАЛЕНТИНА. Что было?

ТИТАРЕНКО. Ты.

ВАЛЕНТИНА. И что мы делали?

ТИТАРЕНКО. А то сама не знаешь.

ВАЛЕНТИНА. Коля, не было меня тут.

ТИТАРЕНКО. Точно? И не помнишь, как мы танцевали, я тебя раздел?..

ВАЛЕНТИНА. А я?

ТИТАРЕНКО. А ты – меня. А если это был не сон, то как ты сюда попала?

ВАЛЕНТИНА. Через эту дверь – она так и осталась с вечера незапертой! С улицы я. С зарядки!

ТИТАРЕНКО (*почти проснулся, смотрит на часы*). Какая зарядка? Шесть утра!

ВАЛЕНТИНА (*опять бодро*). Ну и что? Я рабочий человек — привыкла рано...

ТИТАРЕНКО. А-а... погоди, а где ты вчера была?

ВАЛЕНТИНА. А ты?

ТИТАРЕНКО. Здесь.

ВАЛЕНТИНА. Не ври! Я же приходила... Не было тебя!

ТИТАРЕНКО. Был. Ну, выходил пару раз...

ВАЛЕНТИНА. А мог не выходить? Мог?!

ТИТАРЕНКО. Ну... мог, а что?

ВАЛЕНТИНА. Не важно. Ну, в конце-то концов, даст даме кто-нибудь прикурить или нет?

ТИТАРЕНКО (*проснулся окончательно, смотрит в пол*). А я ещё в комнату номер три корпуса три заходил... Тебя спрашивал... Знаешь, такого позора в моей жизни ещё не было.

ВАЛЕНТИНА. Ну и что? Там ещё одна Валентина есть!

ТИТАРЕНКО. Та Валентина как раз на месте была. А ты, сказали, ушла... Да ещё с такой жалостью на меня посмотрели...

ВАЛЕНТИНА (*кричит*). А ты кто такой? Кто ты такой, чтобы за мной шпионить?!

ТИТАРЕНКО. Что?! Ладно, никто, извини. Только я не шпионил. Сама комнату назвала. И сейчас сама пришла. В шесть утра!

ВАЛЕНТИНА. И ты извини. Чего это я?.. Ну ушла, ну и что?.. Тебя тут не было, вот я и пошла на танцы. Да потому и пошла, что тебя там надеялась увидеть! Хочешь — пойдём сейчас вместе в эту комнату номер три и все пять соседок тебе скажут, как я пришла сразу после танцев и спать легла?

ТИТАРЕНКО. Вчера уже ходил — хватит с меня. Легла и легла. Только мне-то зачем сказала, чтобы я тебя тут ждал? Вот и ждал, как последний дурак... пока не заснул за столом...

ВАЛЕНТИНА. А тебе правда я снилась?

ТИТАРЕНКО. Правда.

ВАЛЕНТИНА. И... так откровенно?..

ТИТАРЕНКО. Откровеннее некуда — ну и что?

ВАЛЕНТИНА. Коля, а может, это любовь?

ТИТАРЕНКО (*с интонацией Федотова*). Ах, любовь, любовь — самое главное в жизни. Всё! Приснилась и приснилась. А теперь я проснулся. (*Достает из чемодана чистую рубашку, электробритву*.) Сейчас умоюсь, побреюсь и проснусь окончательно... А ты иди!

ВАЛЕНТИНА (*внезапно всхлипывает*). Куда?!

ТИТАРЕНКО. А туда. Куда собиралась. На зарядку. На перекур. В баню. Замуж, наконец *(начинает умываться)*.

ВАЛЕНТИНА. А мне уже расхотелось – замуж!

ТИТАРЕНКО. С чего это вдруг?!

ВАЛЕНТИНА. С того! Чтобы каждое утро просыпаться и небритую харю видеть рядом на подушке?.. *(Пауза.)* Тьфу, противно!

ТИТАРЕНКО. Противно смотреть, как полуголый мужик умывается и бреется? Так я не заставляю! Иди уже...

ВАЛЕНТИНА. Рядом с мордой небритой просыпаться противно!

ТИТАРЕНКО. А ты за красивого выходи.

ВАЛЕНТИНА. Нету красивых. Расхватали, пока собиралась.

ТИТАРЕНКО. Всё, Валя, закрываем тему. Если это был первоапрельский розыгрыш, он тебе удался. *(Вытирает лицо полотенцем, берёт электробритву.)* А я, чтобы не выглядеть полным дураком, должен теперь вместе с тобой посмеяться. Ты за этим пришла? Тогда пожалуйста: ха-ха-ха!

ВАЛЕНТИНА. Пришла, потому что пришла. Я думала, ты поймёшь. Я думала... Ничего я не думала! Просто мимо шла. И к тебе потянуло. Мне же пить нельзя! Я ведь мгновенно пьянею. *(Кричит.)* Ты хоть знаешь, что у женщин алкоголь прямо в кровь идёт?

ТИТАРЕНКО. А я тебя поил?!

ВАЛЕНТИНА. Ты – целовал! А ведь я предупреждала: нельзя меня целовать, могу с ума сойти... Тебе что, совсем меня не жалко?

ТИТАРЕНКО *(подумав)*. Жалко. Только не понял, за что я тебя жалеть должен. Что целоваться нельзя?..

ВАЛЕНТИНА. За всё!.. Коленька, поцелуй меня... *(Свет за окнами розовеет, в нём, как в кювете с проявителем, проступают озеро, лыжня, сосны.)*

ТИТАРЕНКО. Ты... Ты... Ты... не попадаешь в интонацию, ты... перевираешь реплику!

ВАЛЕНТИНА. А ты Сент-Экзюпери читал – «мы в ответе за тех, кого приручили»? Давай мы с тобой в лыжный поход на три дня уйдём? Или... на экскурсию после завтрака уедем... Ну погуляй хотя бы со мной! Ты же всё равно по лесу гулять собирался... дышать...

ТИТАРЕНКО. А соседок твоих встретим?.. Ты хоть понимаешь, какую кашу завариваешь?.. И я её ещё целовал!..

ВАЛЕНТИНА. Если хочешь знать, это я тебя первая поцеловала!

ТИТАРЕНКО. А мне показалось – я...

ВАЛЕНТИНА. Хорошо! Ты меня поцеловал! С ума свёл. И пусть теперь кто что хочет, то и думает! Ну? Пойдёшь со мной? Ты же за меня теперь вроде бы как в ответе.

Оживает репродуктор. Звучат сигналы точного времени. Бодрый голос: «Доброе утро, уважаемые отдыхающие! Приглашаем вас на утреннюю зарядку. Наши инструкторы ждут вас у шестого корпуса. Удачного вам дня!»

ТИТАРЕНКО. Валя, а ты знаешь – у тебя такой свет в глазах...

ВАЛЕНТИНА. Какой свет?

ТИТАРЕНКО. Какого вчера не было...

ВАЛЕНТИНА. А это потому, что ты рядом!

Уходит через застеклённую дверь. Из репродуктора звучат вчерашние голоса.

1-й ГОЛОС. Подъём, юнга! На камбуз отправлю картошку чистить – спит он до сих пор, салага!

2-й ГОЛОС. Захарыч, ты?.. Который час?

1-й ГОЛОС. Без пяти минут уволен! Опоздай я на минуту – кто бы трансляцию включил, салажонок!

2-й ГОЛОС. А разве пора?

1-й ГОЛОС. Ещё час назад пора!

2-й ГОЛОС. Захарыч, ты же сам вчера разрешил... на танцы... И про диванчик... намекнул...

1-й ГОЛОС. Ну-ну! А подружка где?

2-й ГОЛОС. Ну... ушла, наверно... когда светать начало...

1-й ГОЛОС. А ты так и дрых на вахте!.. Позор! И для Украины ничего не сделал!

2-й ГОЛОС. В смысле?..

1-й ГОЛОС. В смысле, что утром проснулся – и первая мысль: что ты сделал для Украины?

2-й ГОЛОС. Захарыч! Ёлы-палы, тумблер!..

Щелчок тумблера. Тишина. Титаренко ошеломлённо смотрит на репродуктор. Открывается дверь, ведущая в коридор, входит Федотов.

ФЕДОТОВ. Уже в полной боевой готовности? А зря!

ТИТАРЕНКО (мрачно). Доброе утро...

ФЕДОТОВ. Если оно доброе! Ты что, не слышал, что тут ночью было? Столовая сгорела – завтрака не будет! С вечера к директору какие-то шишки приехали из самой первопрестольной, а среди ночи им под это дело шашлычков захотелось. А повара-то разбежались. Вот

они и решили сами на кухне похимичить. И дохимичились – одних пожарных машин восемь штук приехало, да поздно. Директор уже арестован. Главный повар мечется – хотя бы сухим пайком людей покормить, а кладовки тоже сгорели...

ТИТАРЕНКО. С первым апреля, Роскомпартыч? Так оно вчера было...

ФЕДОТОВ. Ничего – весь апрель никому не верь. Это я себе самому с утра настроение поднимаю... А знаешь, где танкисты водку прячут, когда в части сухой закон, а не выпить нельзя?! Хотя на запчасти танк разбери – не найти! А бутылки, они, родимые, в стволах лежат и ждут, пока старшие командиры разъедутся. *(Достаёт из сумки стопочки, недопитые бутылки.)* Будешь?

ТИТАРЕНКО. С утра?!

ФЕДОТОВ. А я – буду *(наливает, пьёт)*. Пусть лучше свежаком, чем вчерашним. Ну... между первой и второй... Где вторая, там и третья. Всё, уже легче. *(Раздевается, начинает бриться).*

ТИТАРЕНКО. Можно бутерброд? *(Жуёт.)* Слушай, Роскомпартыч, ты мне вчера что-то такое важное говорил. Что-то, чего я раньше не знал. Про любовь... Только от меня ускользнуло...

ФЕДОТОВ. Эта ночь изменила моё мнение.

ТИТАРЕНКО. Моё – тоже.

ФЕДОТОВ. Да ты что! Ну-ну, докладывай, как ночь провёл!

ТИТАРЕНКО *(жуёт)*. Никак. Один.

ФЕДОТОВ. Слушай, чуть не порезался... Ну, Николай, цельный ты человек! Уважаю. Кремень! А не врёшь?

ТИТАРЕНКО. А зачем мне врать?

ФЕДОТОВ. Действительно! Я ведь, Коля, тоже когда-то таким был. Я тебе вчера просто рассказать не успел. Я ведь, Коля, самым что ни есть верным мужем был. Ты про «Груз-200» когда-нибудь слыхал? А я не только слыхал — я вёз. Своего лучшего друга... Из Афганистана...

ТИТАРЕНКО. Не из Эфиопии?

ФЕДОТОВ. Из какой Эфиопии? Из Афганистана – в Новосибирск.

ТИТАРЕНКО. Не в Минск?

ФЕДОТОВ. А при чём тут Минск?.. Ладно, я тебе потом доскажу. Просто, Коля, понял я тогда, что только мерзавец скажет женщине «нет»... *(Пауза.)* А может, я и есть мерзавец? Одну вспоминаю — так всё хорошо было, а на самом интересном месте – слёзы. Зарыдала!

Как, говорит, я теперь мужу буду в глаза смотреть?.. О чём это я?.. Да, как неприятность — так её вспоминаю.

ТИТАРЕНКО (*флегматично жуёт*). Опять первое апреля?..

ФЕДОТОВ. Когда — тогда или сейчас?

ТИТАРЕНКО. Тебе лучше знать.

ФЕДОТОВ. Ну, если тогда... Пошла она к начальнику санатория, жалобу на меня заявила...

ТИТАРЕНКО. Погоди, ты же вчера сказал, что впервые на турбазе!

ФЕДОТОВ. На турбазе — да. А в санаториях бывал. В военных. Когда служил. Ну, вызвал меня начальник санатория... Дал три часа на сборы... И в мою часть при мне позвонил... И пообещал: хоть кому-нибудь имя её назову, он ещё и в округ, и в Москву сообщит, главнокомандующему... А в части, сам понимаешь, скандал, суд офицерской чести, служебное несоответствие... Всё зло в этой жизни от них, от женщин...

ТИТАРЕНКО. И к чему это ты?..

ФЕДОТОВ. Чувствую, Коля, опять засыпался я. Собирай, Федотов, манатки — и в двадцать четыре часа!.. Ещё и письмо на работу отправят. Чтобы мне там веселее работалось.

ТИТАРЕНКО. Да? А что случилось-то?

ФЕДОТОВ. Я вчера друга встретил.

ТИТАРЕНКО. Из Эфиопии?

ФЕДОТОВ. Что ты привязался с этой Эфиопией? Эфиоп!.. Боря, говорю, тебе же одному в двух комнатах скучно будет. Я же не знал, что тут ещё какие-то люксы есть! А он говорит — да уж как-нибудь. А я говорю — как-нибудь ты мог бы и дома. В общем, нашли общий язык. А утром просыпаюсь — один, как баобаб в пустыне Каракумы. Не к добру это, чувствую. Может быть, мой друг уже явку с повинной пишет... за нарушение санаторного режима... А чего тогда меня не тронули?.. Вот добреюсь — и на разведку.

ТИТАРЕНКО (*всё так же флегматично*). А меня женщина обманула.

ФЕДОТОВ. Не переживай из-за ерунды. Если не жена — не страшно.

ТИТАРЕНКО. У нас с ней тоже всё очень интересно было. А на самом интересном месте

— бац, и исчезла.

ФЕДОТОВ. Что исчезло?

ТИТАРЕНКО. Не что, а кто! Она исчезла. *(Пауза.)* А потом опять появилась. Как ни в чём не бывало. Извини, говорит, пожалей меня, пожалуйста.

ФЕДОТОВ. Тебе это что, во сне приснилось или всё в натуре?

ТИТАРЕНКО. Сначала во сне, а потом и в натуре — только образно.

ФЕДОТОВ. А, если образно... А на турбазу ты не от неё сбежал? И зачем её жалеть надо?

ТИТАРЕНКО. А у неё личная трагедия. Противно, говорит, по утрам просыпаться и рядом на подушке небритую харю видеть...

ФЕДОТОВ *(подмигивает своему отражению в зеркале и смеётся)*. Харя!

ТИТАРЕНКО. Нет, не харя. Рожа... Погоди... Рыло!

ФЕДОТОВ. Рыло!

ТИТАРЕНКО. А ещё у неё алкоголь прямо в кровь идёт и поэтому ей целоваться нельзя...

ФЕДОТОВ *(смеётся)*. Представляю!

ТИТАРЕНКО. А я нет.

ФЕДОТОВ. Всё, Коля, завтрак пропустим. Потом историю доскажешь, пошли.

ТИТАРЕНКО. Иди, мне не хочется.

Федотов уходит, открывается дверь с террасы, входит Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Коленька, я смотрю, тебя на завтраке не было, так я тебе бутерброд принесла. *(Замечает на столе бутылки и закуски.)*

ТИТАРЕНКО. Ты бы ещё чего-нибудь принесла.

ВАЛЕНТИНА *(в другой тональности)*. Там ещё каша была, многие не ели, принести?

ТИТАРЕНКО. Ладно, садись. Зачем пришла?

ВАЛЕНТИНА. Бутерброд принесла.

ТИТАРЕНКО. Тебе, наверно, нравится на чужие страдания смотреть? Давай!.. Может быть, мы с тобой выпьем? *(Наливает из бутылки Федотова в два чистых стакана, подаёт один Валентине. Валентина подносит стакан к губам и вдруг резко ставит на стол.)*

ВАЛЕНТИНА. Не буду!

ТИТАРЕНКО *(тоже ставит свой стакан)*. Потому что алкоголь прямо в кровь пойдёт?

ВАЛЕНТИНА. По всему! Противно, Коля! Всё противно! И врать противно, и правду сказать — противно. Пойду я, Коля!

ТИТАРЕНКО. Правильно, Валентина, иди! И вчера незачем было приходить. Нечего тебе тут делать. Ты же наблюдательная! Кольцо сразу заметила. А я приехал пьесу писать. А вместо этого с тобой, будто с собственной женой, цапаюсь!

ВАЛЕНТИНА. А чего ты с ней цапаешься? Она тебе изменяет, да?

ТИТАРЕНКО. Да нет... Просто... критическая точка, наверно... как в каждом браке... Или жизнь так повернулась...

ВАЛЕНТИНА. И дети у вас есть?

ТИТАРЕНКО. Нет. Может, будь у нас дети, всё как-нибудь иначе было бы?... А так... Мы ведь с третьего курса вместе, а квартиру перед самым развалом получили. Ну, перед тем как страна рухнула. До того, как говорится, по чужим углам мыкались... Забавное словечко – «мыкались». Мыкались – а ведь вроде бы счастливы были...

ВАЛЕНТИНА. Может, лучше развестись? Квартиру поделите...

ТИТАРЕНКО *(смеётся)*. Однокомнатную?! В малосемейке?!

ВАЛЕНТИНА. Коленька, а я на хорошем заводе работаю – оборонном. У нас толковых инженеров на руках носят...

ТИТАРЕНКО. Сама же сказала – простаивает завод.

ВАЛЕНТИНА. Так это, наверно, пока. Ведь не рухнул. Смотри, и путёвку мне льготную дали. А оборона... она ведь всё равно будет нужна.

ТИТАРЕНКО. Так и живём. Хотим верить, что ещё что-то будет... А ты кадровик, что ли, что на работу приглашаешь?

ВАЛЕНТИНА. Да просто монтажница. Только я хорошая монтажница. Феррит-транзисторные ячейки – слышал про такие?

ТИТАРЕНКО. Не только слышал. Мы их в двух-трёх разработках применяли. В своих руках, можно сказать, держал.

ВАЛЕНТИНА *(взволнованно)*. А вдруг те самые, которые из моих рук вышли? Коля, это же... Как... как... будто ты за тысячу километров мои руки в своих держал...

ТИТАРЕНКО. Не смейся, Валя! Их давно с производства сняли!

ВАЛЕНТИНА. Руки?... Вот же они!

ТИТАРЕНКО. Ячейки! Мы на другую элементную базу перешли. *(Пауза.)* А толку-то! Всё равно всё рухнуло... *(За окном всё ярче разгорается день.)*

ВАЛЕНТИНА. Коля, а ты комету видел?

ТИТАРЕНКО. Какую комету?

ВАЛЕНТИНА. Да вот, перед самым отъездом была. Ну, та, которая без расписания. У меня уже чемодан был уложен. А мать

чего-то разворчалась, так я от неё на улицу сбежала. Прикурила, голову поднимаю — комета! Здоровущая, как трамвай! А хвост — как два прицепных вагона. Знаешь, мне так страшно стало...

ТИТАРЕНКО. Нет, не видел. Вернее, видел. По телевизору.

ВАЛЕНТИНА. Ничего ты не видел! Её по телевизору только через два дня показали. Там уже смотреть было не на что!.. Слушай, а та, что по расписанию должна была прийти, — как нас всех с ней обманули! Она всего один раз в 76 лет приходит. Кто-то её, может, целых 76 лет ждал, верно? А она взяла и хвост не выпустила. А эту не ждал никто — она выпустила. А ту опять 76 лет жди? А если опять не выпустит?

ТИТАРЕНКО. Комета Галлея?.. Ну жди... всего-то лет семьдесят осталось... а я и тебя-то вчера не дождался, всю ночь не спал...

ВАЛЕНТИНА. Не ври. Спал. Храпел.

ТИТАРЕНКО. За столом не считается. Я даже стихи написал... Сколько лет не писал, и вот...

ВАЛЕНТИНА. Прочитай.

ТИТАРЕНКО. Да это так, ерунда... *(Перебирает листки бумаги, сброшенные на кровать, находит нужный, читает.)*

Ну, расстанемся же, смеясь,

Всё кончается, как наваждение:

Это ветром порвало связь —

И полёт перешёл в падение.

Неизбежности не прекословь.

Но душа — как равнина сельская...

А любовь... Кто сказал — любовь?

Просто шуточка первоапрельская!

ВАЛЕНТИНА. Коленька... Мне ещё никто стихов не писал. Только я про шуточку не согласна. И равнина сельская — это в каком смысле?

ТИТАРЕНКО. Взгляду зацепиться не за что. Разве что за силосную башню... А силос... он и есть силос! *(Сминает лист, бросает).*

ВАЛЕНТИНА *(подбирает брошенный лист, разглаживает на колене)*. Коля, не такая я. Ничего не было, Коля.

ТИТАРЕНКО. Чего не было? Кометы Галлея?

ВАЛЕНТИНА. Ничего, чтобы тебе за меня стыдно было!

ТИТАРЕНКО. А противно в таком случае с чего?

ВАЛЕНТИНА. Со всего. Приехала идиотка с идеей-фикс!..

ТИТАРЕНКО. Валя, тебе, наверно, выговориться надо...

ВАЛЕНТИНА. Кому – тебе? Чтобы ты потом в пьесу вставил?!

ТИТАРЕНКО. Ну а если не мне?..

ВАЛЕНТИНА. Соседкам по комнате?! То-то смеху будет на всю турбазу!..

ТИТАРЕНКО. Ладно уже, Валентина. *(Берёт пальто)*. Пошли уже гулять, что ли, в лес куда-нибудь... *(Выходят через дверь, ведущую на террасу.)*

Слышен стук в дверь, ведущую в коридор. Пауза. Стук повторяется более настойчиво. Дверь открывается. Входит женщина в замшевой куртке, героиня ночного сна Титаренко. Это Светлана.

СВЕТЛАНА. А-у-у, есть кто-нибудь? *(С недоумением рассматривает комнату, стоящую на столе выпивку.)* Н-да, картина Репина «Не ждали»...

С трудом перетаскивает через порог две огромные клетчатые сумки, закрывает за собой дверь, выбирает стул, садится у кровати Титаренко лицом к двери. Дверь открывается, входит Федотов, но, увидев Светлану, замирает на пороге. Смотрит на табличку с номером, пожимает плечами, входит, закрывает дверь. У него превосходное настроение.

ФЕДОТОВ. Какое чудное виденье! Вы кто, ждёте кого-нибудь?

СВЕТЛАНА. Да, мне разрешили здесь подождать... А вы кто такой?

ФЕДОТОВ. Сосед. Сосед Николая. Вы ведь его ждёте, верно? *(Снимает пальто)*. Ай да Коленька!.. А врал-то как! Всю, говорит, ночь — один, как штык, стоял. Или нет — как перст, торчал... Давайте знакомиться. Андрей Роскомпартович, честь имею.

СВЕТЛАНА. В таком случае я Октябрина Культпросветовна.

ФЕДОТОВ. Класс! Какое имя! Какое замечательное редкое имя! Поэзия... А меня можете просто Андреем звать. Роскомпартович — это для официальной обстановки.

СВЕТЛАНА. И давно это у вас?

ФЕДОТОВ. Не понял, Октябрина Культпросветовна.

СВЕТЛАНА *(кивает на бутылки и стаканы)*. Неофициальная обстановка.

ФЕДОТОВ. У нас?

СВЕТЛАНА. Не у меня же.

ФЕДОТОВ. Извините, Октябрина Культпросветовна, что-то я недопонимаю.

СВЕТЛАНА. У вас. С Николаем. Неофициальная обстановка. Давно?

ФЕДОТОВ. Как это у меня с Николаем может быть неофициальная обстановка? Я думал, наоборот, у вас с ним. А у нас с Николаем — полный официоз, если вы меня официально спрашиваете.

СВЕТЛАНА. Официально спрашиваю. Что это такое?

ФЕДОТОВ. А губки чьи? (*Торжествуя, показывает стакан со следами губной помады*). Официально заявляю, Октябрина Культпросветовна! Это у вас — неофициальная обстановка, я губы не крашу! Как я вчера не догадался? Слушай, говорит мне официально, придумай что-нибудь, оставь меня одного на ночь.

СВЕТЛАНА. Какая гадость!

ФЕДОТОВ. Что гадость?

СВЕТЛАНА. То, что он просил, гадость!

ФЕДОТОВ. Опять не понял, Октябрина Культпросветовна. А что он у вас просил?.. Вообще, Октябрина Культпросветовна, я ещё вчера заметил, странный он какой-то, Октябрина Культпросветовна!..

СВЕТЛАНА (*кричит*). Да что вы заладили — Октябрина Культпросветовна да Октябрина Культпросветовна! Светой меня зовут.

ФЕДОТОВ. Я же знал, что вы шутите! (*Смеётся*.) Света! Какое имя!.. Светлана. Какое замечательное редкое имя! Поэзия... Жуковский!

Внезапно включается репродуктор:

Вот в светлице стол накрыт

Белой пеленою;

И на том столе стоит

Зеркало с свечою;

Два прибора на столе.

«Загадай, Светлана;

В чистом зеркала стекле

В полночь, без обмана

Ты узнаешь жребий свой:

Стукнет в двери милый твой

Лёгкою рукою;

Упадёт с дверей запор;

Сядет он за свой прибор

Ужинать с тобою.

СВЕТЛАНА (*поражена*). Это... Как вы это устроили?..

ФЕДОТОВ (*без заминки*). А вот захотел – и устроил! Потому что от чистого сердца сказал! Светочка, честное слово, как вам идёт ваше имя! Светлана — по-другому-то и назвать нельзя. Я просто не разглядел после тёмного коридора. Курточку позволите?..

СВЕТЛАНА. Занятненько! Только Валентина я вообще-то.

ФЕДОТОВ (*опять без заминки*). «Валентина, звезда, мечтанье, как поют твои соловьи!» Шарфик разрешите...

СВЕТЛАНА. Н-да, что-то вам не то после тёмного коридора померещилось. Зиной меня зовут.

ФЕДОТОВ. И что? Прекрасное имя. Замечательное редкое имя! Поэзия чистой воды! «Резиновую Зину купили в магазине, резиновую Зину несли домой в корзине». Стоп — не то! Но имя у вас всё равно замечательное!

СВЕТЛАНА. Которое?

ФЕДОТОВ. А любое! Главное, чтобы человек был хороший!

СВЕТЛАНА. И к любому стихи вспомните?

ФЕДОТОВ. Почти. Эти поэты — они же одной любовью занимались! Причём норовили все имена перепробовать! Одно жаль, что вы Колю, а не меня ждёте. Честно скажу, всю жизнь мечтал, чтобы меня такая женщина ждала! Где он, кстати? Что у вас с ним случилось?

СВЕТЛАНА. Хотела бы я сама знать, что и с кем у него случилось.

ФЕДОТОВ. Оставить такую женщину в одиночестве?! Действительно – мерзавец! Кстати, жарко у нас. Давайте, если позволите, я с вас заодно и жакетик сниму. Да, Октябрина Культпросветовна, этот ваш Коля... Нет, Зиночка, и как он только мог!.. Он же мизинца вашего не стоит. Забудьте его, Валечка. Тем более что я — вот он. У ваших ног, Светочка! Давайте уже и сапоги снимем...

СВЕТЛАНА. Занятно. Вы меня что, соблазнить хотите?

ФЕДОТОВ. Что вы! Что вы!! Что вы!!! Как можно этого не хотеть?

СВЕТЛАНА. Так сразу?

ФЕДОТОВ. А вы не верите в любовь с первого взгляда? А потом я не знаю — он надолго ушёл? Может, у нас времени на длинные предисловия нет!

СВЕТЛАНА. Нет уж, вы мне ответьте. Незнакомую женщину? Так сразу?

ФЕДОТОВ. Солнышко моё, мы уже целый век знакомы! И Коля мне о вас говорил, какой вы замечательный человек — как глубоко переживали, когда его обманули!

СВЕТЛАНА. Что? И у него хватило... такое сказать?..

ФЕДОТОВ. А что здесь страшного? С кем не бывает!.. Кто вы в конце концов — рабыня или свободный человек!

СВЕТЛАНА. Точно, рабыня. Ну всё — соблазняйте! Только красиво.

ФЕДОТОВ. А я не красиво? Радость моя, девочка моя, я же умру, если скажешь «нет».

СВЕТЛАНА. Ладно, верю. Дальше.

ФЕДОТОВ. Не жить мне без твоей любви. Прикажи — в озере утоплюсь!

СВЕТЛАНА. Так оно замёрзло.

ФЕДОТОВ. А я прорубь прорублю. Что прорубь — две. Три! Кстати, а сколько тебе надо?

СВЕТЛАНА. Мне? Ни одной. А вам, соблазнитель, и одной хватит. Впрочем, две рубите — одну для Коли.

ФЕДОТОВ. Нет, вы всё время усложняете мою задачу!.. Кстати, пора бы уже и вам что-нибудь сделать.

СВЕТЛАНА. Например?

ФЕДОТОВ. Например, по щеке меня погладить. Пальцы в волосы запустить...

Берёт её руку, прикладывает к своей щеке, другую руку Светланы кладёт себе на волосы. Открывается дверь из коридора, входит Титаренко.

ТИТАРЕНКО. Что здесь происходит?

ФЕДОТОВ (*не вставая*). Ничего. Я объясняю твоей знакомой, какой ты замечательный человек. Ведь чувствовал, что времени не хватит! Кстати, Коля, всё у меня нормалёк. Просто друг мой решил с утра пораньше в столицу рвануть — и всё.

ТИТАРЕНКО. На коленях?

ФЕДОТОВ. Почему на коленях? На электричке.

ТИТАРЕНКО. Объясняешь, спрашиваю, на коленях или на электричке?

ФЕДОТОВ (*с достоинством вставая*). Стоять перед женщиной на коленях — не унижительно. Если бы ты почаще становился на колени, давно поднялся бы в собственных глазах. И, кстати, в глазах твоей знакомой тоже.

ТИТАРЕНКО (*игнорируя реплику Федотова, Светлане*). Каким ветром?..

СВЕТЛАНА. Ты бы для начала «здравствуй» сказал.

ТИТАРЕНКО. Ну, здравствуй. Как ты здесь оказалась?

СВЕТЛАНА. Тебя ждала, а вот ты где был?!

ТИТАРЕНКО. Здесь и был, на турбазе. Что за мизансцену вы тут разыгрывали?

СВЕТЛАНА. Ты шляешься где-то, спасибо хоть Андрей Роскомпартович пришёл, пока я с ума не сошла от одиночества. Тебя нет, вот он и решил меня...

ФЕДОТОВ. Развlechь!

ТИТАРЕНКО. Догадываюсь, Роскомпартыч, какие у тебя на уме... развлечения!

СВЕТЛАНА. А ты лучше про свои развлечения расскажи. Ты же тут ночь один провёл?..

ТИТАРЕНКО. Роскомпартыч, ты что здесь без меня нагородил?!

ФЕДОТОВ. Коля, ни сном ни духом! Октябрина Культпросветовна, с чего вы это взяли?

СВЕТЛАНА. Значит, один? Или не один?!

ФЕДОТОВ. Нет уж, вы определитесь, пожалуйста! В каком смысле — один, а в каком — не один?!

СВЕТЛАНА. Занятно. А вы, соблазнитель, где ночь провели, если он просил его одного оставить?

ФЕДОТОВ. Обижаете, Октябрина Культпросветовна, где я мог ночь провести? Только тут — с Колей. Он — моё алиби, если что. Я — его. Что вы такие вопросы странные задаёте, если вас тут не было?

СВЕТЛАНА. Так вы считаете, что это я тут с ним ночь провела?!

ФЕДОТОВ. А разве?..

ТИТАРЕНКО. Роскомпартыч! Ты что за цирк тут устроил?!

ФЕДОТОВ (*Светлане*). Вы тоже на этой турбазе отдыхаете? Почему я вас до сих пор не видел — ни в столовой, ни на танцах?..

СВЕТЛАНА. Да, занятно. А Коля тоже на танцы ходил?

ФЕДОТОВ. Коля? Коля – нет! Он это... да! Он же пьесу сидел писал! Всю ночь! Как Вильям Шекспир!

СВЕТЛАНА *(с сочувствием)*. Спать вам мешал?..

ФЕДОТОВ. Да! То есть нет! То есть я человек привычный. Если отбой – спать! И хоть из пушек!.. Подумаешь, кто-то рядом пьесу пишет...

ТИТАРЕНКО. Роскомпартыч, я тебя умоляю! Это моя жена, между прочим, Светлана. *(Светлане.)* Как ты здесь оказалась?

ФЕДОТОВ. Да, ребята, разберитесь уж как-нибудь сами! *(Хватает пальто, шапку, открывает дверь в коридор, выскакивает из комнаты.)*

СВЕТЛАНА. Коля, я вообще не понимаю, что происходит!

ТИТАРЕНКО. Вот и объясни. Чего это он перед тобой на коленях стоял?! Как ты вообще сюда попала – к нему, что ли, приехала?!

Открывается дверь террасы, входит Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Коля, я тут подумала... *(Замечает Светлану.)*

СВЕТЛАНА. Чем дальше, тем занятнее! А вы, барышня, откуда?

ВАЛЕНТИНА. Я... я просто мимо шла...

СВЕТЛАНА. Шёл в комнату – попал в другую?! Да, тут у вас сам Грибоедов отдыхает!.. А губки чьи? *(Берёт со стола и показывает стакан со следами губной помады.)* Или это Николай зачем-то стал губы красить?!

ВАЛЕНТИНА *(в ужасе)*. А вы кто?!

СВЕТЛАНА. Я, милочка, леди Макбет! Или наоборот? Николай, ты же у нас драматург! Эта барышня – леди Макбет? А я – наивная Офелия?!

ТИТАРЕНКО. Света!

СВЕТЛАНА. Я уже скоро тридцать лет Света, в жизни не думала, что такое может случиться. А надо было! В доме ни копейки, а он на свои несчастные полставки в редакции путёвку берёт. Пьесу он, видите ли, писать собрался! Не простился даже! С работы прихожу – записка на столе, и всё!

ТИТАРЕНКО. Почему всё?! Я же денег тебе оставил!

СВЕТЛАНА. Сколько?! Хорошо у меня кусок меха был – достала, сию, плачу, а шью! К утру шапку сшила, утром на рынке перекупщику продала – и на работу. И к начальнику снабжения – завод в простое, но снабжение-то работает. В любую командировку, говорю, хоть экспедитором, хоть грузчиком, хоть и тем и тем в одном лице – только аванс дайте! Вот следом за тобой самолётом вылетела!

А ты тут... *(Показывает на бутылки на столе.)* На это у тебя деньги нашлись! Двуличный ты, Коля, со мной, значит, непьющим притворялся, а здесь свободу почувствовал?

ТИТАРЕНКО. Света! Не делай поспешных выводов, дай я объясню тебе...

СВЕТЛАНА. Да и так всё понятно – пьесу ты пишешь! Действие первое – прощай, жена! Действие второе – здравствуй, любовь, выпьем для начала!..

ВАЛЕНТИНА. Светлана... как вас по отчеству?... Светочка, да не так всё!..

СВЕТЛАНА. Что – не так?

ВАЛЕНТИНА. Всё не так!

СВЕТЛАНА. Занятно. А это мне всё снится! *(Снова с интонацией Федотова.)* А губки чьи? А вы сейчас начнёте доказывать, что ничего не было!

ВАЛЕНТИНА. Ну, если вы так хотите – было! Мой он теперь!

Все трое вздрагивают — на стене, хрюкнув, оживает репродуктор: «Уважаемые отдыхающие! Администрация турбазы приглашает вас в столовую на обед. После обеда – отдых по личному плану. Продолжается запись на экскурсии и в трёхдневный лыжный поход. После ужина – танцы. Вы прослушали объявление администрации турбазы. Приятного вам отдыха».

ТИТАРЕНКО. К чёрту! Вы как хотите, а я жрать хочу. *(Хватает шапку, выскакивает в коридор, хлопнув дверью.)*

Светлана рассматривает Валентину. Подходит к зеркалу, смотрит на себя.

СВЕТЛАНА. Ну, тебя как зовут, молочная сестра?

ВАЛЕНТИНА. Можно просто Валя...

СВЕТЛАНА. Охотница до чужих мужей? Или **на** чужих мужей?

ВАЛЕНТИНА. Да нет... Просто... монтажница...

СВЕТЛАНА. Занятно. Монтажница она! Намонтировала тут... Откуда ты взялась на мою голову, монтажница?

ВАЛЕНТИНА. Из Княж-Острова.

СВЕТЛАНА. В жизни не слыхала. У вас там, в Княж-Острове, мужиков, что ли, нет, что на такого позарилась?

ВАЛЕНТИНА. Светочка, зря вы так. Он талантливый. Он даже стихи ночью написал.

СВЕТЛАНА. Боже мой! Уже и стихи были?.. Когда-то он и мне, идиотке, стихами голову задурил!.. Так вы что тут, всю ночь стихи писали?.. Славненькая такая пьеска получается!.. Какое свинство!

ВАЛЕНТИНА. Светлана!.. А вообще правильно... Все мужики — свиньи!

СВЕТЛАНА. Ах, свиньи? Конечно. А ты что здесь делаешь?

ВАЛЕНТИНА. Да то же, что и ты — головой о стену бьюсь, потому что все они свиньи!

СВЕТЛАНА. А ты лучше?

ВАЛЕНТИНА. А какая разница? Может быть, мы все не лучше. Но за что мы, бабы, такие несчастные?

СВЕТЛАНА. Мы несчастные? Ухватила чужого мужика — и несчастная? Это я несчастная... Ну, монтажница, и что дальше делать будем?

ВАЛЕНТИНА. Светлана, Светочка, милая, бросьте вы, утешьтесь вы. Ну да, ну свинство, конечно. Так они же и слёз наших не стоят! Ну их всех, мужиков этих, ну их, Светочка. Давайте лучше мы с вами помиримся, давайте, что ли, выпьем... давайте лучше поцелуемся, что ли?..

СВЕТЛАНА. Ты! Ненормальная! Я лучше с козой поцелуюсь!

ВАЛЕНТИНА (*грустно смеётся*). Ах, Светочка... Не то, Светочка, не то... (*Не договорив, уходит через террасу.*)

Входит Титаренко.

СВЕТЛАНА. Ну, сыт? А жену накормить?..

ТИТАРЕНКО. А разве ты ещё считаешь себя... что ты... голодна? Ну, пойдём тогда в столовую, попробуем договориться...

СВЕТЛАНА. **Мы** попробуем? Или ты сам договоришься?! Коля, как я раньше не разглядела, какое у тебя нутро? Ты же за моей спиной живёшь!.. Завод остановился — ты же первый на сокращение попросился. Ты — не я! Я, как могла, лямку тянула, а ты только на биржу труда ходил — отмечался!.. Он — инженер-конструктор, как же. Это ниже его достоинства — грузы через таможни таскать, взятки давать... И что дальше делать — этой монтажнице тебя отдать? Так она — не я. Посмотрит, посмотрит, как ты на биржу ходишь, — и сама пошлёт куда подальше, писатель!..

Вновь оживает репродуктор: «Уважаемые отдыхающие! Администрация турбазы напоминает, что запись на экскурсии и в трёхдневный лыжный поход продолжается. Приятного вам отдыха!» Щелчок.

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Захарыч, ёлки-палки, как ты вовремя! Я ведь нашёл! И даже записать успел: «Утром просыпаюсь и спрашиваю себя: что ты сделал для Украины?...» Сейчас магнитофон включу – слушай!

ТИТАРЕНКО (*со злостью срывает репродуктор со стены и отбрасывает к рампе*). Светлана, давай поговорим!

Открывается застеклённая дверь. Входит Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Действие третье! Те же и Валентина!

СВЕТЛАНА. Боже мой, театр продолжается!

ВАЛЕНТИНА. Светлана, простите, я... это потому, что я нервничаю... Я зачем вернулась?.. Вы это... вы помир~~и~~тесь – всё ещё хорошо у вас будет! (*Титаренко крутит головой.*) Коля, любит она тебя! Я, понимаешь, говорю, давайте, Светочка, поцелуемся. А она — лучше я козла поцелую. Всё. И не поминайте лихом.

ТИТАРЕНКО. Постой, Валентина.

Подходит к окну, смотрит на лес и озеро. На солнце наплывает облако, пейзаж за окном тускнеет. Вновь раздвигаются стены комнаты.

ТИТАРЕНКО (*говорит, не оборачиваясь*). Козёл и есть... А надо прощения просить у вас. У обеих. Прав мой сосед – на колени впору встать. Да без толку – ни в своих, ни ваших глазах уже не поднимусь... ЧТО нашло? Действительно, что ли, комета какая-то?.. Хвостом зацепила!

СВЕТЛАНА. Какая ещё комета?

ТИТАРЕНКО. Та самая! Которая без расписания. Вот так живёшь себе, живёшь — и вдруг, бац, комета! Здоровая, как трамвай. И хвост — как два прицепных вагона. И страшно тебе, и не знаешь, что дальше будет... И думаешь, что уже не сможешь по-старому... А потом она уходит. И ничего, кажется, не изменилось. Но ведь она была — комета!

СВЕТЛАНА. Что ты мелешь?!

ТИТАРЕНКО. Если честно, сам не знаю. Конечно, у тебя даже кометы по расписанию летают. Никакой хвост тебя не заденет. А я... Хорошо бы такой монолог в пьесу вставить...

СВЕТЛАНА. Кончится этот дурдом или нет?

Стены комнаты возвращаются на своё место: декорации и освещение становятся прежними.

ВАЛЕНТИНА. Светочка, вы же видите, кается человек — так простите его...

СВЕТЛАНА. Да вы посмотрите на него — кается он! А какое время упустил — в этом не кается?! Люди в неделю себе состояния делали — а он на биржу ходил!

ТИТАРЕНКО. В неделю делали — в две его инфляция съедала! Или, по-твоему, я должен был спичками с лотка торговать?

СВЕТЛАНА. Спички!.. Неваляев с председателем дачного кооператива бутылку распилил. Тот завтра же объявление повесил. Сахар ниже себестоимости! Это в разгар сезона! Народ мигом деньги сдал. Неваляев себя на три года вперед обеспечил за те два месяца, пока председатель людям голову морочил. Так ведь и председателю с того навару перепало! И людям всё до копейки вернули.

ТИТАРЕНКО. Жульё!

СВЕТЛАНА. А если наш народ привык, чтобы его обманывали? Если только и ждёт, чтобы опять обманули? А ты!.. Великий конструктор! Писатель выдающийся! До монтажныцы докатился!

ТИТАРЕНКО. Света!

ВАЛЕНТИНА. Светлана!..

Распахивается дверь, из коридора вваливается Федотов.

ФЕДОТОВ. Ребятки, слушайте, что я придумал! Резиновая Зина — это кукла из секс-шопа! «Резиновую Зину купили в магазине, резиновую Зину несли домой в корзине». Здорово, верно? А угадайте, что я вам принес? Нет, не резиновую Зину! Мы пока без Зины можем. Вот! *(Ставит на стол две бутылки шампанского, быстро снимает пальто и шапку)*. Что-то у вас грозой пахнет. Ладно, люблю грозу в начале мая!.. *(Валентине.)* А вы, прекрасная незнакомка, здесь за громоотвод будете? Шучу, дядя шутит. Это хорошо, что нас теперь четверо — полный комплект для кадрили. Или в подкидного дурака сыграть... Вас как зовут? *(Валентина молчит.)* Я — Андрей Роскомпартович, честь имею! Но для вас просто Андрей. *(Валентина молчит.)* Ну-с, подходите все поближе, сейчас настроение подыдем! За знакомство выпьем, за всё хорошее...

ВАЛЕНТИНА. А ты меня не помнишь? *(Пауза.)* В Сыктывкаре — в очереди на посадку, не помнишь? Гостиницу «Полёт» не помнишь?..

ФЕДОТОВ. В Сыктывкаре? В аэропорту, что ли?

ВАЛЕНТИНА. Ну да! Погода нелётная. Все вповалку. Мест нет. А ты заранее одноместный номер занял... И всё меня к себе тянул. Не помнишь?

ФЕДОТОВ. Вера?

ВАЛЕНТИНА. Вера?

ФЕДОТОВ. Нет, Клава...

ВАЛЕНТИНА. Клава?

ФЕДОТОВ. Валентина!

ВАЛЕНТИНА. Узнал наконец-то!

ФЕДОТОВ. Что ты меня ловишь? Я в жизни в Сыктывкаре не был!

ВАЛЕНТИНА. А в Астрахани?

ФЕДОТОВ. В Астрахани? Это в порту?... Нет, не помню.

ВАЛЕНТИНА. А жениться кто обещал?!

ТИТАРЕНКО *(смеётся)*. Какой я дурак! Как я вчера не догадался?..

ФЕДОТОВ. Да ладно вам, ребятки. Ну пошутили и будет. Давайте лучше к столу. По бокальчику...

ВАЛЕНТИНА. Ты и вчера так же начинал: «только по бокальчику», «просто для настроения – и опять на танцы». А потом: «между первой и второй», «где вторая, там и третья»... *(Светлане.)* Не убивайся, ничего у меня с твоим Колей не было, вот моё алиби – с ним я ночь провела. *(К Титаренко.)* А ты мужик или нет?! Тебе следовало бы ему морду набить! Харю!

СВЕТЛАНА. Коля, тогда и за меня тоже! Он меня соблазнить пытался!

ФЕДОТОВ. Стоп, стоп, ребятки, никому морды бить не будем. Я, между прочим, ещё ни одну женщину не обманул, если она сама этого не хотела. Вы же ничего про меня не знаете.

ВАЛЕНТИНА *(презрительно)*. Тут и знать нечего!

ФЕДОТОВ. Вот она, женская благодарность! Вы про «Груз-200» слышали когда-нибудь?

СВЕТЛАНА. У меня 200 килограммов груза в камере хранения лежат. Я к своему козлу приехала, чтобы в поезд помог погрузить.

ФЕДОТОВ *(торжественно)*. Не то. Это груз особый. Воинский груз.

ТИТАРЕНКО. «Груз-200» — это его лучший друг. Он ему в любых ситуациях помогает.

ФЕДОТОВ. Коля, я рассказывал, да? Вот, Коля не даст соврать — лучший друг. И он же — «Груз-200». И мне же его везти. Из Египта...

ТИТАРЕНКО. Не из Эфиопии?

ФЕДОТОВ. Да не перебивай ты, эфиоп!

ТИТАРЕНКО *(кричит)*. Всё! Надоело, хватит! Афган, Эфиопия. Египет теперь!..

ФЕДОТОВ *(кричит)*. А я не виноват, что у этой великой империи столько войн было!

ТИТАРЕНКО *(кричит)*. Света, Валя, вы хотели, чтобы я ему морду набил. Всё! Сейчас! И морду набью, и харю начищу, и рыло расквашу.

Резкий стук в дверь, ведущую в коридор. Общее замешательство.

ФЕДОТОВ. Ну, докричались? Всех теперь заметут и на работу напишут.

Стук повторяется. Валентина выскальзывает на террасу.

Светлана, схватив куртку и шапку, делает то же самое.

ФЕДОТОВ. Одну минуточку! *(Идёт к двери, чуть-чуть приоткрыв, выходит в коридор. Титаренко, схватив скатерть за углы, мигом убирает в шкаф вместе с бутылками и стаканами. Дверь открывается полностью.)*

ФЕДОТОВ *(стоя на пороге, говорит кому-то невидимому)*. Совершенно напрасно жалуются — вы же видите. Сосед у меня писатель. Драматург. Пьесу пишет. Это он мне пьесу свою читал. Какие женские голоса? Он её в лицах читал. Ну, увлёкся немного. Ну! Талантливо читал. Коля, иди сюда *(дверь за ними закрывается)*.

С террасы входят Валентина и Светлана.

ВАЛЕНТИНА. Светочка, если нас поймают, можно я скажу, что я — Колина жена?

СВЕТЛАНА. Подожди, а я тогда кто?!

ВАЛЕНТИНА. А ты мной назовёшься.

СВЕТЛАНА. Подожди, если я назовусь тобой, тебе же всё равно на работу напишут.

ВАЛЕНТИНА. Всё равно, да не всё равно. Я тогда честно всем расскажу, что другая женщина моим именем назвалась. А я молчала, чтобы её не выдать. Ну, тебя чтобы не выдать!

СВЕТЛАНА. Ладно, монтажница, давай колись, пока не поймали: если ты с этим была, где тогда мой козёл был?!

ВАЛЕНТИНА. Да здесь же он и был — в этой комнате!

СВЕТЛАНА *(с отвращением)*. Занятненько... Так ты, значит, здесь с этим была и... с Колей?..

ВАЛЕНТИНА *(неохотно)*. Не здесь, Светлана. И не с Колей...

СВЕТЛАНА. А он здесь... он с кем был?!

ВАЛЕНТИНА. Ни с кем. Стихи он писал...

Открывается дверь, входит Титаренко.

СВЕТЛАНА. Николай, через полчаса автобус, через час электричка. Или я на себе эти 200 килограммов должна тащить? Мужик ты или нет?!

ТИТАРЕНКО. И ты опять туда же! Хватит уже, Света! *(Замечает клетчатые сумки Светланы.)* Это, что ли, твой «груз-200»?

СВЕТЛАНА. Коля, да проснись же! Даже не знаешь, что тут, рядом с турбазой, – крупнейший оптовый рынок! Чего бы ради я в эту даль пёрлась! Чтобы посмотреть, с кем ты тут водку распиваешь?! Знаешь, за сколько всё это у нас пойдёт?!

ТИТАРЕНКО. Света, но ведь это... это же... спекуляция?..

СВЕТЛАНА. Бизнес это, Коля! Учи новые слова, писатель, – надо и тебе хоть с чего-то начинать!.. Собирайся давай!

ТИТАРЕНКО *(уныло)*. Да собираюсь уже... *(Начинает укладывать чемодан.)*

СВЕТЛАНА. А это зачем?

ТИТАРЕНКО. Ладно. Пьесу можно и дома... попытаться... если позволишь...

СВЕТЛАНА. Ну пытайся. Пытайся... Ты только и делаешь, что пытаешься. А жить когда?!

ТИТАРЕНКО. А, может быть, жизнь и есть эти попытки?..

ФЕДОТОВ *(входя)*. Обошлось! *(Видит сборы Титаренко, Светлане)*. Ничего, и у вас всё обойдётся. У меня и не то бывало.

СВЕТЛАНА. Ладно уж, прощайте, соблазнитель, прощай, молочная сестра *(выходит)*.

ТИТАРЕНКО *(Федотову)*. Считаю, что повезло: весь отдых ещё впереди – а ты уже один. Можешь теперь до конца срока... свой личный протест выражать.

ФЕДОТОВ. Протест! Теперь, когда уже всё дозволено, никакой это уже не протест... Даже в этой совдепии...

ТИТАРЕНКО *(примириваясь, как бы получше ухватить чемодан и сумки)*. Вот против неё и выражай. До свиданья. *(Валентине.)* Простите меня, если сможете...

ФЕДОТОВ. Может, на посошок?

ТИТАРЕНКО. Скажи ещё, на коня. А я этот конь и есть — мне ещё 200 килограммов тащить. *(Выходит вслед за Светланой.)*

ВАЛЕНТИНА *(вслед)*. Носильщика возьмёшь!.. Клоун!

ФЕДОТОВ. Ну, не такой уж он клоун.

ВАЛЕНТИНА. Клоун! Только не он — ты! Цирк мне устроил. Не узнал он меня! В глаза никогда не видел!

ФЕДОТОВ (*демонстративно, не снимая пиджака, ложится на кровать*). Шла бы, что ли, и ты, Валентина. Устал я от тебя. Глаза бы мои тебя не видели...

ВАЛЕНТИНА. А я и пойду. Вот сейчас морду твою мерзкую расцарапаю, чтобы ни одна дура на тебя до конца срока не глянула, и пойду!

ФЕДОТОВ. Ты это всерьёз?

ВАЛЕНТИНА. Серьёзнее некуда!

ФЕДОТОВ (*смеётся*). Самой же потом лечить придётся... до конца срока.

ВАЛЕНТИНА. Обойдёшься! Белошвейку свою вызовешь!

ФЕДОТОВ. Какую белошвейку?

ВАЛЕНТИНА. Ту самую! Которая тебе твой клоунский наряд сшила — майка называется!

ФЕДОТОВ. Ты смотри, заметила! Глазастая какая...

ВАЛЕНТИНА. Глазастая?! Да если хочешь знать, все заметили — и Коля, и Света, и друг твой люксовский!

ФЕДОТОВ. Коля — может быть. Света — нет. А друг... Не знаю, Валя, на что ты намекаешь, только у меня принципы, Валя. Друг с нами посидел-посидел да честно спать пошёл — так и дрых до утра в другой комнате, не мог он мою майку видеть. Сама не помнишь, что ли?

ВАЛЕНТИНА. Помню! Ты на мне жениться обещал!

ФЕДОТОВ (*смеётся*). Обещания мужчины, одурманенного женскими духами, недействительны! Это тебе любой английский суд скажет. Тем более твоими духами!

ВАЛЕНТИНА. Так ты ещё и в Англии был? Так и плыви в свою Англию. А ещё лучше в Эфиопию, эфиоп чёртов, навязался на мою голову! Врун!

ФЕДОТОВ. Ах, ты так? Отлично. Вот сейчас встану — и в загс пойдём! Морду расцарапаешь до или после?

ВАЛЕНТИНА. Клоун! Белошвейка твоя с тобой пойдёт!

ФЕДОТОВ. Уймись, кончилась белошвейка, от неё я сюда сбежал.

ВАЛЕНТИНА. Со всем нажитым?.. Рыдает она теперь, наверно, за вещичками...

ФЕДОТОВ (*смеётся*). А у меня, Валюша, нажитого — один чемодан. Раз-два — и опять свободен! Всё своё ношу с собой...

ВАЛЕНТИНА. Точно! Перекати-поле! И по всему Советскому Союзу, небось, детишки твои плачут!

ФЕДОТОВ. Ну... это вряд ли... я всегда осторожен был... Хотя и думаю иногда – может быть, и хорошо было бы, чтобы где-нибудь родная душа... была... Ладно! Давай колись, что ты там про Сыктывкар и Астрахань плела? Может, сама – перекати-поле?

ВАЛЕНТИНА. Ты что про меня врёшь! Монтажница я, самая, может быть, лучшая на заводе – всю жизнь на доске почёта вишу!

ФЕДОТОВ (*смеётся*). Живьём?!

ВАЛЕНТИНА. На фото, клоун! Как куда бригада наладчиков едет – всегда просят: дайте нам Валентину! Так что я тоже весь Советский Союз повидала – и таких, как ты, навидалась! Таких, как ты, на каждом рынке по пять копеек ведро продают!

ФЕДОТОВ. Всё, Валентина. Свободна!

ВАЛЕНТИНА. Я тебе ещё морду не расцарапала!

ФЕДОТОВ. Так не тяни: расцарапала – и пошла! А я хочу ещё вздремнуть перед танцами...

ВАЛЕНТИНА. Что? Прямо с расцарапанной рожей и пойдёшь?

ФЕДОТОВ. А что? Бабы наши жалостливые – пожалеют. Так и будут до конца срока... жалеть...

ВАЛЕНТИНА. Ну и чёрт с тобой – иди, пусть жалеют! Ни души у тебя и ни сердца! Только о себе! Ты что, не понимаешь, что мне-то уже всё поломал? Может, я и идиотка с идеей-фикс, но я ведь вправду замуж хочу, ребёночка родить хочу, нормальных отношений хочу...

ФЕДОТОВ. Да ты вокруг посмотри, идея-фикс! Рушится всё! Какие сейчас дети?! Как ты их прокормишь, вырастишь, какое образование дашь!

ВАЛЕНТИНА. Какое-нибудь дам. Можно подумать – у тебя образование!

ФЕДОТОВ. Да ты же не знаешь про меня ничего. Если дурачусь иногда – это же не значит, что дурак. Я, если хочешь знать, любой танк с завязанными глазами разберу, а потом – соберу! И он поедет. И стрелять будет!

ВАЛЕНТИНА (*фыркает*). Танк!

ФЕДОТОВ. И любую жестянку! Хоть трактор, хоть часы – и ходить будут!

ВАЛЕНТИНА. И чёрт с тобой! Пусть ходят. И я – пошла, клоун!

ФЕДОТОВ. Счастливо! Если родишь, открытку пришли. Приеду на потомка посмотреть.

ВАЛЕНТИНА. Обойдѣшься, клоун! *(Выходит через дверь, ведущую на террасу.)*

Федотов поднимается с кровати, снимает пиджак, вешает на стул, умывается у зеркала, причёсывается. За окнами движутся тени, слышится смех, снова сияет солнце.

Открывается дверь, ведущая на террасу, входит Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Андрей, а что ты имел в виду... про открытку?.. Ты же сказал... всегда осторожен был... А вчера... нет?..

ФЕДОТОВ. Успокойся, Валя, пошутил я. Хотя... раз в год, говорят, и незаряженное ружьё стреляет... *(Оба смотрят друг на друга.)* Валя, а знаешь, я тут подумал – а может, нам и правда?..

ВАЛЕНТИНА. Нет!

ФЕДОТОВ. А если...

ВАЛЕНТИНА. Даже «если» – нет! Если «если» – рожу! У меня ещё мама есть! Мы троём как одно целое будем! Против всего выстоим! На кой ты нам нужен?!

ФЕДОТОВ *(смеётся)*. А ты подумай. Может, пригожусь?..

ВАЛЕНТИНА. Врать сначала отучись!

ФЕДОТОВ. Да ладно, Валя, какой я врун? Ну врал иногда, что женат. Ведь женщины думают: раз женат — значит, порядочный... И какой спрос с женатого, если он и так женат?

ВАЛЕНТИНА. Ага! А мне ты не сказал, что женат!

ФЕДОТОВ. Я же действительно не женат!

ВАЛЕНТИНА. Вот видишь! Врал, врѣшь и будешь врать! Хотел — врал, что женат. Хотел — не женат. Значит, и вчера врал!

Солнце за окном уходит за верхушки деревьев, комната постепенно наполняется горячим светом заката.

ФЕДОТОВ *(смеясь)*. А может, это я тебя, единственную, искал.

ВАЛЕНТИНА. Ты меня вчера не запомнил даже!

ФЕДОТОВ. Не запомнил? Хотя и правда... по-настоящему только сегодня разглядел... Нашли мы, друг друга, Валентина...

ВАЛЕНТИНА. Ага! Нашла на свою голову!

ФЕДОТОВ. А разве нет? Выходи за меня замуж, Валя, в жизни тебе не совру.

ВАЛЕНТИНА. Нет! Клоун!

ФЕДОТОВ. Ладно, я ещё раз причесаться могу. *(Обнимает и целует.)*

ВАЛЕНТИНА *(после поцелуя)*. Нет.

ФЕДОТОВ. Не спеши говорить нет.

ВАЛЕНТИНА. Нет.

ФЕДОТОВ (*снова целуя*). У тебя ещё двадцать дней впереди.

ВАЛЕНТИНА. Нет.

ФЕДОТОВ (*снова целуя*). Чтобы узнать меня получше.

ВАЛЕНТИНА. Нет.

ФЕДОТОВ (*снова целуя*). На экскурсии поедем.

ВАЛЕНТИНА. Нет.

ФЕДОТОВ (*снова целуя*). В лыжный поход на три дня уйдём.

ВАЛЕНТИНА. Нет.

ФЕДОТОВ (*снова целуя*). Всё равно ведь скажешь да, глупая.

ВАЛЕНТИНА. Если и скажу да, всё равно будет нет.

ФЕДОТОВ (*целуя*). А если нет?

ВАЛЕНТИНА. А нет и есть нет! Даже если да...

Оживает отключённый от розетки и отброшенный к рампе репродуктор. Сквозь фоновый рокот помех вначале тихо, а затем всё громче прорывается свадебный марш Мендельсона, заглушая голоса Федотова и Валентины.

Меркнет свет. Смолкает марш Мендельсона. В темноте (уже вне рамок комедии) звучит текст:

В 2014 году Светлана Титаренко все активы своей частнопредпринимательской фирмы передала в помощь украинской армии. Николай Титаренко записался в добровольческий территориальный батальон. В 2015-м погиб в бою за Дебальцево. В том же бою погиб сын Валентины и Андрея Федотова. Он воевал на стороне сепаратистов.

ЗАНАВЕС

© Юрченко Анатолий Петрович. 1997 – 2015 гг.

г. Кировоград, Украина.

Иллюстрации: Топников Георгий Александрович. 2000 г.

Автор напоминает о действующем законодательстве, об авторском праве и невозможности постановки пьесы без письменного разрешения правообладателя.

Контакты: т.моб. (+38) 066 144-04-02

E-mail: petrovichev@yandex.ru

Примечание. Автор обладает также украиноязычной версией данной пьесы.